

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

ШЕСТОЙ
на
ЗАКАТЕ

BOOKTRAN

Действие истории разворачивается в одном из миров Космера. На тропическом острове Патжи траппер-одиночка занимается промыслом. Дикие джунгли таят множество опасностей и населены хищниками, которые выслеживают своих жертв по волнам разума. Защитить от этих хищников могут только птицы, наделенные особым даром. Однажды траппер обнаруживает, что не только остров желает его смерти, угроза нависает над всем привычным ему миром.

Информация о переводчиках

Перевод: Anahitta, zhuzh и др.
Редактура и вычитка: Anahitta, zhuzh
Booktran, 2018 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе:
www.vk.com/b.sanderson.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект, добро пожаловать на www.booktran.ru.

Уже несколько лет Брендон Сандерсон вместе с другими авторами ведет интернет-передачу Writing Excuses («Писательские отмазки»), делясь со слушателями профессиональными советами по писательскому мастерству. В рамках этой передачи состоялся проект, результатом которого стала антология *Shadows Beneath*. Цель проекта – познакомить читателей с процессом написания истории от начала до конца. В антологии представлены четыре повести участников передачи, в том числе и «Шестой на закате», а также дополнительные материалы, иллюстрирующие работу над каждым из произведений.

Мы предлагаем вам не только прочитать новую захватывающую космерскую историю, но и приподнять завесу тайны над ее созданием и ближе познакомиться с тем, как порой непросто бывает труд писателя.

Приятного чтения!

Оглавление

«Шестой на закате»	6
Рабочий процесс	47

В глубине вод охотилась смерть. Закат видел, как из темной синевы приближается гигантская тень шириной с полдюжины лодок. Сердце забило сильнее, и он поискал взглядом Кокерлии, крепче сжав весло.

К счастью, пестрая птица сидела на своем обычном месте на носу лодки, подняв лапку и лениво покусывая коготки. Кокерлии опустил лапку и распушил перья, словно вовсе не замечая опасности в глубине.

Закат затаил дыхание. Он всегда так делал, когда не везло наткнуться на подобную тварь в открытом океане. Он не знал, как они выглядят под водой. И надеялся, что никогда не узнает.

Тень почти достигла лодки. Косяк тонковиков, проплывавший поблизости, выпрыгнул из воды серебристой волной. Спутнутые рыбешки дождем посыпались обратно. Тень продолжала плыть в том же направлении. Тонковики – чересчур мелкая добыча, чтобы привлечь такого хищника.

А вот те, кто в лодке...

Тень проплыла прямо под ними. Сак на плече у Заката тихонько защебетала: похоже, вторая птица почувствовала опасность. Во время охоты тени полагались не на обоняние и зрение, а на ментальное чутье. Закат снова посмотрел на Кокерлии – его единственную защиту от чудовища, способного проглотить суденышко целиком. Он не подрезал Кокерлии крылья, но в такие моменты отлично понимал, почему другие моряки предпочитали авиаров, которые не могут улететь.

Лодка мягко покачивалась. Перестали прыгать тонковики. О борта бились волны. Тень замерла? Медлит? Учужала их? Раньше всегда хватало защитной ауры Кокерлии, но...

Тень медленно растаяла. Уплыла на глубину, понял Закат. В считанные мгновения от нее не осталось и следа. Помедлив, он заставил себя достать новую маску. Это современное приспособление он купил лишь в позапрошлую поездку за припасами. Маска представляла собой стеклянную смотровую пластину с кожаными креплениями по бокам. Закат приложил ее к поверхности воды, наклонился и вгляделся в глубину. Вода стала настолько прозрачной, словно он находился в безмятежной лагуне.

Ничего. Только бесконечная глубина.

«Дурень! – Закат спрятал маску и взялся за весло. – Не ты ли только что думал, как хорошо бы никогда не видеть этих тварей?»

Однако, снова начав грести, он понял, что до конца плавания не сможет отделаться от ощущения, что где-то там, внизу, за ним следует тень. Такова природа океана – никогда не знаешь, что скрывается в глубине.

Закат направлял аутригер-каноэ, работая веслом и определяя местоположение по плеску волн. Волны служили ему не хуже компаса. Раньше подобным искусством владели все его соплеменники – ээлакины,

– но теперь древние секреты знали только трапперы. Впрочем, в его мешке лежали новейший компас и новые навигационные карты. Высшие преподнесли их в качестве дара в свой прошлый визит в этом году. Считалось, что эти карты точнее, чем даже современные наблюдения ээлакинов, так что на всякий случай он приобрел себе комплект. Как говаривала мать, перемены не остановить, как не остановить прилив.

Он отсчитал не так уж много приливов, прежде чем показался первый остров. По сравнению с другими островами Пантеона Сори был маленьким и самым посещаемым. Его название означало «дитя». Закат отчетливо помнил уроки дяди на его берегах.

Давно он не сжигал приношение для Сори, несмотря на всю доброту острова к нему в юности. Наверное, небольшой дар будет уместным. Патжи не станет завидовать. Как можно завидовать Сори, самому незначительному из островов? Сори добр к каждому трапперу, а все другие острова Пантеона любят Сори.

В любом случае пожить на Сори практически нечем. Закат продолжал грести, огибая оконечность архипелага, известного его народу как Пантеон. Издали тот мало отличался от родных островов ээлакинов, оставшихся в трех неделях пути.

Но это лишь издали. Вблизи различия были весьма ощутимы. Следующие пять часов кряду Закат греб мимо Сори и трех его кузенов. Его нога ни разу не ступала ни на один из них. Впрочем, он не высаживался и на многих других островах Пантеона, которых насчитывалось более сорока. В конце обучения траппер выбирал один остров на всю жизнь. Закат выбрал Патжи – лет десять назад, хотя казалось, что все случилось вчера.

В толще воды больше не было видно теней, но Закат оставался настороже. Не то чтобы он мог как-то себя защитить. Всю работу выполнял Кокерлии, безмятежно устроившийся на носу лодки, наполовину прикрыв глаза. Закат угостил его семечком. Кокерлии любил семена гораздо больше, чем сушеные фрукты.

Никто не знал, почему твари, подобные теням, обитали только здесь, в водах вблизи Пантеона. Почему не переплыть океан и не отправиться к Ээлакинским островам или к материку, где еды в изобилии, а авиары вроде Кокерлии встречаются гораздо реже? Раньше таких вопросов не задавали. Океан был таким, каким он был. Теперь же людям до всего есть дело. Они спрашивают «Почему?» и говорят «Нужно найти объяснение».

Закат покачал головой, макнув весло в воду. Этот звук – как дерево касается воды – сопровождал его большую часть жизни. Он понимал его куда лучше, чем болтовню людей.

Даже если иногда их вопросы застревали в голове и отказывались ее покидать.

Миновав три острова-кузена, большинство трапперов брали севернее или южнее, двигаясь по ответвлениям архипелага до нужного острова. Закат все так же держал курс к сердцу Пантеона, пока впереди не замаячили очертания самого крупного острова – Патжи. Он вздымался над морем словно гора. Неприветливые пики, крутые обрывы и непролазные джунгли.

«Здравствуй, старый душегуб. Здравствуй, Отец».

Закат втащил весло и положил его на дно лодки. Посидел немного, пожевал рыбы из вчерашнего ночного улова, скормил несколько кусочков Сак. Черноперая птица уплела их с важным видом. Кокерлии все так же сидел на носу, изредка щебеча. Ему не терпелось на сушу. Сак, похоже, никогда ничего не волновало.

Причалить к Патжи – задача не из легких даже для того, кто промышляет на его берегах. Лодка танцевала на волнах, а Закат раздумывал, как высадиться. В конце концов он отложил рыбу и снова взялся за весло. Несмотря на близость суши, здесь было глубоко. На некоторых островах Пантеона имелись защищенные бухты и пологие отмели. Патжи не терпел подобных глупостей. Его берега были скалистыми и обрывистыми.

На Патжи нельзя расслабляться. Собственно, пляжи и были самой опасной частью острова: до тебя могли добраться не только сухопутные твари, ты оставался в пределах досягаемости глубоководных чудовищ. Дядя постоянно твердил об этом. Только безумец решится заснуть на пляже Патжи.

Начался прилив. Счастливо избежав встречи со скалами, способными разнести лодку в щепки, Закат причалил в относительно спокойном месте среди обломков камней и скальных выступов – типичном пляже Патжи. Кокерлии взмыл ввысь и полетел к деревьям, щебеча и вскрикивая.

Закат тут же посмотрел на воду. Теней не видно. Все равно он чувствовал себя голым, пока вытаскивал каноэ на камни. Теплая вода плескалась у ног. Сак не покидала плеча хозяина.

Неподалеку Закат заметил труп в волнах.

«Уже шлешь видения, дружочек?» – подумал он, взглянув на Сак.

Обычно она даровала свое благословение только после окончательной высадки на сушу.

Черноперая птица невозмутимо наблюдала за волнами.

Закат вернулся к каноэ. Труп в воде был его собственным. Предостережение держаться от того места подальше. Возможно, там притаился ядовитый анемон, готовый ужалить, или коварное подводное течение. Видения Сак не показывали подробностей, только предупреждали об опасности.

Закат втащил каноэ на сушу, отсоединил балансир и привязал его понадежнее. Аккуратно потянул судно вглубь острова, следя за тем,

чтобы не поцарапать корпус об острые камни. Нужно спрятать каноэ в джунглях. Если его найдет другой траппер, Закату придется провести на острове несколько недель, чтобы изготовить новое. Это было бы...

Он вдруг остановился, наступив пяткой на что-то мягкое. Опустил взгляд, ожидая увидеть под ногами комок водорослей, но обнаружил мокрый лоскут. Рубашка? Подняв его, Закат заметил другие, менее явные знаки: обломки досок, занесенные песком, обрывки бумаги, захваченные вихрем.

«Вот глупцы».

Он потащил каноэ дальше. На островах Пантеона нельзя спешить, но он ускорил шаг.

На границе джунглей ему на глаза снова попался труп, висящий на ближайшем дереве. В папоротникообразной кроне притаились лианы-резаки. Сак тихонько заклекотала на плече. Он поднял крупный булыжник и швырнул его в дерево. Тот отскочил от ствола, и действительно, сверху упала сеть усеянных шипами лиан.

Лианам понадобится несколько часов, чтобы втянуться обратно. Закат подтащил каноэ к дереву и спрятал в зарослях. Оставалось надеяться, что другие трапперы окажутся достаточно сообразительными, чтобы держаться подальше от лиан-резаков, а значит, не наткнутся на лодку.

Перед тем как окончательно замаскировать ее листвой, Закат поднял со дна заплечный мешок. За века сам промысел трапперов изменился не сильно, но современный мир мог предложить много полезного. Вместо набедренной повязки, оставлявшей открытыми ноги и грудь, Закат надел штаны из плотной материи с накладными карманами и рубашку на пуговицах, которая защищала от острых веток и листьев. Вместо сандалий – прочные ботинки, вместо шипастой дубинки вооружился мачете из превосходной стали. В мешке лежали кое-какие роскошества: веревка со стальным крюком на конце, фонарь, а также кресало, высекающее искру при простом соприкосновении двух рычажков.

Закат мало походил на трапперов со старинных картин, что висели у него дома. Ему было все равно. Главное – остаться в живых.

Забросив мешок на плечо, он убрал мачете в ножны на боку. Сак перебралась на другое плечо. Прежде чем покинуть пляж, он задержался у своего призрачного трупа, который по-прежнему свисал с дерева на невидимых лианах.

Неужели он действительно мог так сглупить и угодить в лианы-резаки? Судя по всему, Сак предупреждала только о реальной опасности. Закату хотелось верить, что большинство смертей маловероятны – просто видения того, что могло произойти, если бы он проявил неосторожность или если бы дядя учил его недостаточно хорошо.

Раньше он обходил стороной все места, где видел свой труп. Теперь поступал наоборот, но причиной тому была отнюдь не храбрость. Просто... нужно смотреть опасности в лицо. Покидая пляж, он должен быть уверен, что способен справиться с лианами-резаками. Избегая опасности, быстро растеряешь всю сноровку. Нельзя полагаться исключительно на Сак.

Ибо Патжи попытается прикончить его при любом удобном случае.

Закат развернулся и побрел вдоль скалистого побережья. Наперекор инстинктам – обычно он старался побыстрее уйти вглубь острова. К сожалению, нельзя покидать пляж, пока он не выяснит, откуда взялся мусор. На этот счет у него имелись серьезные подозрения.

Он свистнул, и Кокерлии, спорхнув с ближайшего дерева, пролетел над его головой и закружился над пляжем. Чем он дальше, тем слабее защита, но островные твари, охотящиеся по волнам разума, не настолько большие и ментально сильные, как тени в океане. Закат и Сак останутся для них невидимыми.

Спустя полчаса он наткнулся на следы большого лагеря: разбитые ящики и обрывки веревок, притопленные в оставшихся после отлива лужах, клочья парусины, раздробленные в щепки доски – скорее всего, бывшие стены. Кокерлии приземлился на сломанную балку.

Закат нигде не видел свой труп. Видимо, это означало, что пока здесь безопасно. Однако вполне могло оказаться, что, кто бы его ни убил, проглотил труп целиком.

Он легко ступал по мокрым камням, обходя разрушенный лагерь. Хотя нет – не просто лагерь. Закат пробежался пальцами по обломку доски с надписью «Северная Объединенная Торговая Компания». Влиятельная торговая сила на его родине.

Он ведь говорил им. Твердил без устали не соваться на Патжи. Глупцы! Еще и лагерь разбили прямо на пляже! Неужели в компании все глухие? Закат остановился у выбоин в каменистом грунте – каждая шириной с предплечье и длиной с десяток шагов. Выбоины вели в океан.

«Тень, – подумал он. – Одна из этих подводных тварей».

Дядя рассказывал, как однажды повидал такую. Громадное... нечто вырвалось из океанских глубин, сцапало дюжину креллей, пасшихся на отмели, и скрылось с добычей.

Закат поежился, вообразив кишаций людьми лагерь на скалах: торговцы распаковывают ящики, готовятся возвести форт, о котором ему столько рассказывали. Куда же подевался корабль? Могучее железное судно на паровом ходу, которое, как они утверждали, выдержит атаку самых страшных глубоководных теней? Наверное, охраняет дно, став прибежищем тонковок и осьминогов.

Насколько хватало взгляда, не было видно ни выживших, ни даже трупов. Скорее всего, тень проглотила их целиком. Закат отступил к кромке джунглей, где было чуть безопаснее, и осмотрел листву:

торговцы могли попытаться спастись в зарослях и оставить следы. На них напали недавно, вчера или позавчера.

Он рассеянно угостил Сак семечком из кармана и заметил несколько сломанных пальмовых листьев, уводящих в джунгли. Значит, кто-то выжил. Может, даже человек шесть. Спасаясь, все второпях разбежались в разные стороны.

Нет лучшего способа умереть, чем нестись сломя голову через джунгли. Эти ребята из компании мнили себя суровыми и подготовленными. Как же они ошибались. Многих из так называемых «трапперов» Закат убеждал отказаться от задуманного плавания.

Ничего хорошего из этого не вышло. Ему хотелось обвинить Высших, чьи визиты провоцировали дурацкое стремление к прогрессу, но правда заключалась в том, что уже много лет компании вели разговоры насчет основания форпостов на Пантеоне. Закат вздохнул. Что ж, те, кто выжил, скорее всего, уже мертвы. Ничего не поделаешь, пусть следуют своей судьбе.

Хотя... Мысль о чужаках, блуждающих по Патжи, заставила содрогнуться от смеси беспокойства и раздражения. Они где-то здесь. Это неправильно. Эти острова священны, и трапперы – их служители.

Из ближайших кустов донесся шорох. Закат выхватил мачете и полез в карман за пращой, но это оказался не спасшийся чужак и даже не хищник. Нюхая воздух, наружу выползла стайка мелких, похожих на мышей существ. Сак пронзительно вскрикнула. Ей никогда не нравились микеры.

«Еда? – мысленно обратились микеры к Закату. – Еда?»

В его сознание устремились примитивные мысли. Отвлекаться не хотелось, но он не мог не угостить микеров сушеным мясом. Они сгрудились вокруг еды, посылая волны благодарности, и он разглядел у каждого острые зубки и одиночный клык на конце мордочки. По рассказам дяди когда-то микеры представляли для людей опасность. Один укус – и ты труп. Однако за века маленькие создания привыкли к трапперам. В отличие от других бестолковых животных микеры были разумными. Закат считал, что они почти такие же смышленные, как авиары.

«Вы помните? – мысленно обратился он к микерам. – Помните, зачем вы здесь?»

«Чужаки! – радостно откликнулись они. – Кусать чужаков!»

Трапперы не придавали значения микерам. Закат полагал, что если их немного натаскать, они могут стать сюрпризом для одного из конкурентов. Порывшись в кармане, он нащупал старое перо. Затем, не желая упускать возможность, вытащил из заплечного мешка несколько длинных ярко-зеленых и красных перьев – из брачного наряда Кокерлии, сброшенных во время последней линьки.

В сопровождении взбудораженных микеров Закат направился в джунгли. Приблизившись к их логову, он раскидал перья по веткам, будто они упали здесь случайно. Проходящий мимо траппер заметит перья и сочтет, что где-то поблизости гнездо авиара и можно разорить кладку. На перья он непременно клюнет.

«Кусать чужаков!» – повторил Закат.

«Кусать чужаков!» – отозвались микеры.

Задумавшись, он помедлил. Может, они видели кого-нибудь из выживших и смогут указать направление?

«Вы видели чужаков? Недавно. В джунглях».

«Кусать чужаков!»

Микеры были разумными... но не слишком. Закат распрощался со зверьками и повернул в заросли. Мгновение поколебавшись, углубился в джунгли, пересек след одного из беглецов и пошел по нему. Он выбрал след, который, судя по всему, должен пройти в опасной близости от одного из его тайных убежищ в глубине острова.

Под пологом джунглей было жарко, несмотря на тень. Знойно, но в меру. Кокерлии догнал хозяина и уселся на ветку, где щебетали несколько авиаров помельче. Кокерлии возвышался над ними, но подпевал с энтузиазмом. Авиары, выращенные людьми, никогда не приспособлялись к жизни среди диких сородичей. То же самое можно сказать о людях, выросших среди авиаров.

Закат шел по следу беглеца, в любой момент ожидая наткнуться на его труп, однако ему время от времени попадалось только собственное мертвое тело. Оно валялось то полусъеденным в грязи, то под поваленным деревом, откуда торчали только ноги. С Сак на плече никогда не расслабишься. Неважно, правда или вымысел ее видения. Он нуждался в постоянных напоминаниях о том, как Патжи наказывает за беспечность.

Закат перешел на привычный, но довольно утомительный размашистый шаг. Так передвигался любой траппер Пантеона: внимательно, осторожно, не задевая листву, в которой скрывались жалящие насекомые. Не используя мачете без необходимости – чтобы не оставлять след, по которому его можно отыскать. Внимательно прислушиваясь, не выпуская авиара из виду – не обгоняя, но и не позволяя ему улетать далеко вперед.

Беглец не попался в обычные ловушки острова – он пересекал звериные тропы, а не шел по ним. Самый верный способ столкнуться с хищниками – вести себя, как добыча. Беглец не умел маскировать след, но не угодил в гнездо огнетрескучих ящериц, не задел кору смертосора, не наступил в лужу голодной грязи.

Может, это тоже траппер, молодой и не полностью обученный? Вполне в духе компании. Опытных трапперов нанять невозможно: ни один не согласится водить по островам отряд клерков и торговцев. Но

вот юнец, еще не выбравший остров? Юнец, возможно, обиженный тем, что вынужден учиться только на Сори, пока его наставник не решит, что обучение закончено? Десять лет назад Закат сам испытывал сходные чувства.

Итак, компании все же удалось заполучить траппера. Теперь понятно, почему они набрались смелости наконец организовать экспедицию.

«Но Патжи? – подумал Закат, опускаясь на колени у небольшого ручья. Ручей не имел названия, но был ему знаком. – Почему они явились сюда?»

Ответ прост. Это торговцы. Для них чем больше, тем лучше. Зачем тратить время на более мелкие острова? Почему не отправиться напрямик к Отцу?

Кокерлии уселся на ветку и принялся клевать фрукт. Беглец останавливался у этого ручья. Закат постепенно догонял мальчишку. По глубине следов в грязи он прикинул его вес и рост. Лет шестнадцать? Может, моложе. Трапперы начинали обучение в десять, но Закат не мог представить, чтобы компания наняла столь неопытного ученика.

«Прошел здесь часа два назад», – определил он, перевернув сломанный стебель и приняв шис к соку.

Мальчишка по-прежнему держал путь к тайному убежищу Заката. Как? Он никогда никому о нем не рассказывал. Может, юнец учился у кого-то из трапперов, тоже промышлявших на Патжи. Один из них мог обнаружить убежище и рассказать ученику.

Закат нахмурился, размышляя. За десять лет на Патжи он встречал других трапперов лишь несколько раз. Когда это случалось, оба разворачивались и, не говоря ни слова, расходились в противоположных направлениях. Так принято. Они пытались убить друг друга, но не при личной встрече. Пусть лучше Патжи расправится с конкурентом, чем запятнать руки чужой кровью. Во всяком случае так наставлял дядя.

Порою Закат ловил себя на мысли, что подобное положение вещей его расстраивает. Рано или поздно Патжи доберется до каждого из них. Зачем помогать Отцу? Но так было принято, и он поспешил дальше. Так или иначе, беглец шел напрямик к его убежищу. Может, юнец не понимает что к чему. Вдруг он ищет помощи, но боится вернуться в одно из убежищ наставника, опасаясь наказания. Или...

Нет, лучше не думать об этом. В голове и так крутилось слишком много сомнительных умозаключений. Что будет, то будет. Нужно сосредоточиться на джунглях и таящихся в них опасностях. Как только Закат отошел от ручья, перед ним неожиданно появился его труп.

Он прыгнул вперед и развернулся, услышав негромкое шипение. Из небольшой трещины в земле с характерным звуком вырвался воздух, следом хлынул поток крошечных желтых насекомых размером с булавочную головку. Новая колония смертомуравьев? Если бы он

задержался там чуть дольше, тревожа их скрытое гнездо, они бы успели заползти в обувь. Один укус – и ты покойник.

Закат наблюдал за скоплением ползающих насекомых дольше, чем следовало. Они вернулись в гнездо, не найдя жертвы. Место их обитания часто выдавал бугорок на земле, но сегодня Закат ничего не заметил. Его спасло только видение Сак.

Такова жизнь на Патжи. Даже самый осторожный траппер может совершить ошибку, но смерть могла отыскать его и без этого. Патжи был деспотичным, мстительным родителем и жаждал крови каждого, кто ступал на его берега.

На плече защebetала Сак. Закат благодарно почесал ей шею. Она будто извинялась – предостережение едва не запоздало. Однако, если бы не птица, Патжи добрался бы до него уже сегодня. Закат отогнал назойливые вопросы и продолжил путь.

Когда он наконец дошел до убежища, над островом стустились сумерки. Две из установленных растяжек оказались обезврежены. Ничего удивительного, они были намеренно плохо замаскированы. Закат прокрался мимо еще одного гнезда смертомуравьев – это было больше предыдущего, и старая трещина в земле позволяла насекомым в любой момент хлынуть на поверхность. Трещину заткнули тлеющей веткой. Грибницу ночеветрянок, которую он разводил много лет, залили водой, чтобы грибы не выбросили споры. Следующая пара растяжек, замаскированных уже более надежно, тоже была обрезана.

«Хорошая работа, малец!» – подумал Закат.

Юнец не только избежал ловушек, но и обезвредил их на случай, если придется убежать тем же путем. Но кто-то должен научить его не оставлять следов. Конечно, эти следы сами по себе могли оказаться ловушкой – попыткой заставить Заката потерять бдительность. Поэтому он лишь сильнее насторожился, продвигаясь вперед. Да, здесь юнец наследил еще больше: отпечатки обуви, сломанные стебельки, другие знаки...

Вверху, в кроне дерева что-то зашевелилось. Закат помедлил, прищурившись. С ветвей свисала женщина, пойманная в сеть из желетросных лиан – они вызывали онемение и лишали способности двигаться. Итак, одна из его ловушек все-таки сработала.

– Э-э-э... привет, – сказала женщина.

«Женщина. – Закат вдруг почувствовал себя глупцом. – Ступня меньше, шаг легче...»

– Сразу хочу пояснить, – произнесла незнакомка. – Я не собираюсь ни красть твоих птиц, ни нарушать границы твоей территории.

Закат подошел ближе, чтобы рассмотреть женщину в угасающем свете дня. Он узнал ее: одна из тех клерков, что присутствовали на встречах в компании.

– Ты обрезала мои растяжки. – Слова непривычно перекатывались на языке, и фраза вышла обрывистой, будто он проглотил пригоршню пыли, – следствие нескольких недель молчания.

– Э... да... Я думала, ты сможешь их заменить. – Она помедлила. – Прошу прощения.

Закат отступил на шаг назад. Женщина медленно вращалась вместе с сетью, в которую снаружи вцепился авиар. Как и его птицы, он был ростом с три кулака, но с бело-зеленым оперением. Стример – на Патжи эта порода не водилась. Закат почти ничего не знал о стримерах, кроме того, что, как и Кокерлии, они защищали разум от хищников.

Заходящее солнце удлиняло тени, небо темнело. Скоро придется затаиться на ночь, ибо с темнотой пробуждались самые опасные хищники острова.

– Клянусь, я не собираюсь ничего у тебя красть, – сказала женщина из своих пут. Как же ее звали? Наверняка ему говорили, но он не мог припомнить имя. Что-то нетрадиционное. – Ты ведь меня помнишь? Мы встречались в компании.

Он не ответил.

– Пожалуйста, – добавила она. – Я бы предпочла не висеть вниз головой на дереве и истекать кровью, привлекая хищников. Если ты не против.

– Ты не траппер.

– Ну, нет. Наверняка ты заметил, что я женщина.

– Бывали и женщины-трапперы.

– Лишь одна. Была только одна женщина-траппер, Ялани Отважная. Я сто раз слышала ее историю. Может, тебе будет любопытно узнать, что почти в каждом обществе есть миф о женщине, занимающейся мужской работой. Она отправляется на войну, переодетая мужчиной, или ведет в бой отцовское войско, или промышляет на острове. Я убеждена, что подобные истории существуют только для того, чтобы родители могли сказать дочерям: «Ты не Ялани».

Женщина оказалась болтливой. Даже слишком. Как и многие на Ээлакинских островах. У нее была такая же смуглая кожа, как у Заката, и говорила она на языке его народа, но этот ее легкий акцент... Закат все чаще слышал его на родных островах. Так разговаривали те, кто получил образование.

– Можно меня спустить? – Ее голос немного дрожал. – Я не чувствую рук. Мне... не по себе.

– Как тебя зовут? Я подзабыл.

Слишком много болтовни. Слова резали слух. Здесь должно быть тихо.

– Вати.

Точно. Неподобающее имя. Не указывает ни на очередность, ни на день рождения. Такие имена носили жители материка. Теперь они не редкость и среди его соплеменников.

Закат подошел и, потянув за веревку на соседнем дереве, опустил сеть. Авиар женщины спорхнул вниз с раздраженным криком, оберегая одно крыло – очевидно, раненый. Вати грохнулась на землю мешаниной темных кудряшек и складок зеленой льняной юбки. Вскочила на ноги, но снова упала. Онемение от лиан пройдет минут через пятнадцать.

Она села и помахала руками, разгоняя кровь.

– Значит... обойдемся без кровопусканий и подвешиваний вниз головой?

– Это байки для детей, – проговорил Закат. – На самом деле мы так не делаем.

– Вот как.

– Будь ты траппером, я прикончил бы тебя на месте, чтобы не дать возможности отомстить.

Закат подошел к ее авиару. Тот разинул клюв и зашипел, расправив крылья, чтобы казаться внушительнее. Сак подала голос с плеча хозяина, но птица женщины словно и не заметила.

Действительно, одно крыло в крови. Закат с удовлетворением отметил, что, Вати знала достаточно, чтобы позаботиться об авиаре. Некоторых его соплеменников совершенно не волновали нужды птиц, к ним относились скорее как к инструментам, нежели к разумным существам.

Вати выщипала перья вокруг раны, в том числе и окровавленные, и перевязала рану бинтом. Крыло все равно выглядело скверно. Возможно, перелом. Закат перевязал бы оба крыла, чтобы авиар не мог взлететь.

– Ох, Миррис. – Вати наконец сумела подняться на ноги. – Я пыталась ей помочь. Но видишь, мы упали, когда чудовище...

– Возьми ее. – Закат оглядел небо. – И иди за мной. След в след.

Она кивнула, хотя онемение еще не прошло. Без единой жалобы подобрала с лиан небольшой заплечный мешок и расправила юбку. На ней был облегающий жилет, а из мешка торчала какая-то металлическая трубка. Футляр для карт? Вати подхватила авиара, и тот с радостью устроился на ее плече.

Закат прокладывал путь, а она ступала следом, не пытаясь напасть сзади. Уже хорошо. Темнота сгущалась все сильнее, но до убежища было рукой подать, и он знал дорогу чуть ли не наизусть. Пока они шли, Кокерлии спорхнул вниз, уселся на свободное плечо Вати и дружелюбно защебетал.

Закат остановился и обернулся. Авиар женщины, отодвинувшись подальше от Кокерлии, прицепился возле лифа и негромко шипел. Кокерлии, как всегда ни на что не обращающий внимание, продолжал

выдавать счастливые трели. К счастью, эта порода так хорошо скрывала разум, что даже смертомуравьи посчитали бы его не съедобнее куска коры.

– Это... твой? – Вати взглянула на Заката. – Хотя конечно. Птица у тебя на плече не авиар.

Сак нахохлилась. Она и правда не авиар. Закат пошел дальше.

– Никогда не встречала траппера с птицей, которая не с островов, – слышалось из-за спины.

Это был не вопрос. Так что он не счел нужным ответить.

Убежище – всего на острове у него их было три – располагалось на вершине невысокого холма, к которому вела извилистая тропинка. В ветвях массивного дерева гурра ждала однокомнатная хижина. Деревья – одни из самых безопасных мест для ночлега на Паджи. Их кроны служили пристанищем для авиаров, а большинство крупных хищников передвигалось по земле.

Закат зажег фонарь и поднял повыше, заливая хижину оранжевым светом.

– Наверх, – скомандовал он женщине.

Вати оглянулась на темные джунгли. В свете фонаря Закат отметил ее красные от недосыпания глаза, хоть она и одарила его беспечной улыбкой, прежде чем подняться по прибитым к стволу колышкам. Онемение уже должно было пройти.

– Как ты узнала? – спросил он.

Вати помедлила возле люка, ведущего в хижину.

– Узнала что?

– Где находится мое убежище. Кто тебе рассказал?

– Я шла по журчанию. – Она кивнула на ручеек, стекающий по склону холма. – Обнаружив ловушки, поняла, что иду в правильном направлении.

Закат нахмурился. Ручей невозможно услышать: через сотню ярдов он скрывался под землей и опять показывался на поверхность в совершенно неожиданном месте. Дойти сюда по журчанию... вряд ли возможно.

Так она лжет или ей просто повезло?

– Ты хотела найти меня, – сказал он.

– Я хотела найти хоть кого-нибудь. – Вати откинула люк. Изнутри хижины ее голос зазвучал глуше. – Я поняла, что траппер – моя единственная надежда на спасение.

Она подошла к одному из затянутых сеткой окошек. Кокерлии так и не покинул ее плеча.

– Здесь мило. Довольно просторно для хижины, которую построили на склоне холма посреди смертоносных джунглей на уединенном острове, да еще и в окружении чудовищ.

Закат вскарабкался следом с фонарем в зубах. В комнатке два на два шага с трудом можно было выпрямиться в полный рост.

– Вытряхни одеяла, – кивнул он на стопку в углу и повесил фонарь.
– Потом переверни и проверь все чашки и миски на полке.

Женщина округлила глаза:

– Что там искать?

– Смертомуравьев, скорпионов, пауков, кровочесов... – Закат пожал плечами и пересадил Сак на жердочку у окна. – Хижина непроницаемая, но мы на Патжи. Отец любит преподносить сюрпризы.

Когда Вати нерешительно сняла заплечный мешок и принялась за дело, он поднялся по лесенке на крышу. Там были оборудованы два ряда птичьих домиков с гнездами внутри и отверстиями, чтобы авиары могли свободно сновать туда-обратно. Птицы никогда не улетали далеко, разве что в особых случаях, так как выросли здесь под его неусыпной заботой.

Кокерлии уселся на один из птичьих домиков, издавая трели, но негромко, поскольку уже стемнело. Из домиков донеслось ответное щебетание. Закат выбрался на крышу и проверил, не повредила ли какая из птиц лапку или крыло. Эти авиары были делом всей его жизни. Птенцы – главный товар для продажи. Конечно, он промышлял на острове – искал гнезда и диких птенцов, – но это никогда не было так же эффективно, как разведение.

– Тебя ведь зовут Шестой? – спросила Вати снизу, вытряхивая одеяло.

– Да.

– Большая семья, – отметила она.

Обычная семья. Или считалась таковой по старым меркам. Его отец родился двенадцатым, а мать – одиннадцатой.

– Шестой, а дальше? – не унималась Вати.

– На закате.

– Значит, ты родился вечером. Всегда считала традиционные имена очень... э-э... описательными.

«Что за бессмыслица, – подумал он. – Почему островитяне не могут помолчать, даже когда говорить не о чем?»

Он перешел к следующему гнезду, осмотрел пару сонных птиц, затем их помет. Птицы радовались ему. Авиар, выросший среди людей, а особенно еще птенцом приученный делиться даром с человеком, всегда воспринимал людей как членов стаи. Эти птицы не были его спутниками, как Сак и Кокерлии, но он все равно относился к ним по-особенному.

– В одеялах насекомых нет, – объявила Вати, высунувшись из люка со своим авиаром на плече.

– Чашки?

– Сейчас посмотрю. Значит, тут ты разводишь авиаров?

Это было очевидно, поэтому Закат не счел нужным ответить.

Вати наблюдала, как он проверяет птиц. Он чувствовал ее взгляд.

– Почему твоя компания не прислушалась к нашим советам? – наконец спросил он. – Отправиться сюда – чудовищная ошибка.

– Согласна.

Он повернулся к Вати.

– Согласна, – повторила она. – Наша экспедиция наверняка станет чудовищной ошибкой, но она лишь приблизит нас еще на шаг к заветной цели.

Следующей была Сизисру. Закат осматривал птицу в свете восходящей луны.

– Глупости.

Наполовину высунувшись из освещенного квадрата люка, Вати уперлась руками в крышу хижины.

– Думаешь, наши предки не ошибались, когда осваивали океанские маршруты? А что насчет первых трапперов? Вы передаете знания из поколения в поколение – знания, накопленные путем проб и ошибок. Если бы первые трапперы посчитали исследования «глупостями», что бы с вами стало?

– Первые трапперы были хорошо подготовленными одиночками, а не целым кораблем клерков и грузчиков.

– Мир меняется, Шестой на закате, – негромко произнесла Вати. – Людям с материка требуется больше авиаров. Вещи, доступные раньше только богачам, теперь по карману простым людям. Мы столько всего узнали, но авиары остаются загадкой. Почему птенцы, выросшие на обитаемых островах, лишены дара? Почему...

– Глупые доводы. – Закат посадил Сизисру обратно в гнездо. – Не хочу больше это слышать.

– А Высшие? – продолжала Вати. – Что насчет их технологий, их чудес?

Помедлив, Закат достал пару толстых перчаток и указал на бело-зеленого авиара. Вати успокаивающе поцокала и обхватила птицу обеими ладонями. Та пару раз раздраженно клюнула ее пальцы.

Закат бережно принял птицу руками в перчатках – его она стала бы клевать более решительно – и размотал наложенную Вати повязку. Очистил рану, вызвав бурю протеста со стороны авиара, и аккуратно перевязал заново. Затем прибинтовал крылья к телу, не слишком туго, чтобы птица могла дышать.

Ей его действия явно не понравились. Однако в полете она могла еще больше повредить сломанное крыло. В конце концов с помощью клюва она избавится от повязки, но, если повезет, крыло успеет зажить. Закончив, Закат усадил ее к своему авиару, и тот пытался успокоить взволнованную птицу негромким дружелюбным щебетанием.

Вати, похоже, была довольна тем, что ее авиар какое-то время пробудет здесь, и с интересом наблюдала за происходящим.

– Можешь переночевать в убежище. – Закат повернулся к ней.

– А потом? Отправишь меня в джунгли на верную смерть?
– Ты прекрасно справилась по пути сюда, – неохотно ответил он. Вати не траппер. Но и ученые не способны на то, что удалось ей. – Ты наверняка выживешь.

– Мне повезло! У меня никогда не получится пересечь весь остров. Закат помедлил.

– Пересечь остров?

– Чтобы добраться до главного лагеря компании.

– На острове есть еще кто-то из ваших?

– Я... Конечно. Ты же не думал, что...

– Что вы затеяли?

«Ну и кто теперь недоумок? – подумал Закат. Нужно было все выяснить с самого начала.

Слова. Никогда они ему не давались.

Вати отшатнулась, округлив глаза. Он выглядел угрожающим? Возможно, он слишком грубо рявкнул последний вопрос. Не важно. Рот у нее не закрывается, а значит, он получит ответ.

– Мы разбили лагерь на дальнем берегу, – сказала она. – У нас два железных корабля с пушками для наблюдения за водой. Они справятся даже с глубинниками. Двести солдат, сотня ученых и клерков. Мы намерены выяснить раз и навсегда, почему наделены даром только те авиары, что родились на островах Пантеона. Моя команда отправилась разведать берег и найти подходящее место для второго форта. Компания твердо намерена удержать Патжи. Я считала, что посылать небольшой отряд – плохая затея, но у меня были причины попасть на эту сторону острова. Так что я присоединилась к ним. А потом глубинник... – Вати выглядела неважно.

Закат почти не слушал. Двести солдат? Они облепят остров, как муравьи – упавший фрукт. Невыносимо! Он представил, как тишину джунглей нарушат возбужденные голоса. Незваные гости будут кричать, бряцать металлом, истопчут все вокруг. Как в городе.

Из люка показался пучок темных перьев, а затем и их обладательница, Сак. Черноперая птица вскарабкалась на край люка рядом с Вати, а потом заковыляла по крыше к Закату, расправив крылья. С левой стороны виднелись шрамы. Ей было тяжело пролететь даже дюжину футов.

Закат нагнулся почесать ей шею. Итак, вторжение началось. Нужно найти способ его остановить. Так или иначе...

– Сожалею, Закат, – сказала Вати. – Я восхищаюсь трапперами. Я читала о ваших обычаях и уважаю их. Но рано или поздно это должно было случиться. Это неизбежно. Острова будут покорены. Авиары слишком ценные, чтобы оставлять их в руках пары сотен чудаковатых охотников.

– Совет...

– Все двадцать членов совета единодушно согласились с планом. Я была там. Если ээлакины не возьмут под свою защиту острова и авиаров, этим займется кто-нибудь другой.

Закат уставился в темноту.

– Спустись и проверь, нет ли насекомых под чашками.

– Но...

– Спустись, – повторил он, – и проверь, нет ли насекомых под чашками!

Женщина тихо вздохнула, но вернулась в комнату, оставив его с авиарами. Закат почесывал шею Сак, пытаясь успокоиться. Смел ли он надеяться на то, что тени окажутся смертельно опасными для компании и ее железных кораблей? Вати казалась очень уверенной.

«Она не рассказала, почему примкнула к разведывательному отряду».

Она видела тень, стала свидетельницей гибели команды, но не потеряла самообладания и отыскала его лагерь. Сильная женщина. Не стоит это забывать.

Кроме того, она была типичным представителем компании, настолько далеким от его образа жизни, насколько это вообще возможно. Закат мог понять солдат, ремесленников, даже членов совета, но учтивые клерки, которые потихоньку завоевывали мир мечом торговли, сбивали с толку.

– Отец, как быть? – прошептал он.

Патжи безмолвствовал, отзываясь лишь привычными ночными звуками: его обитатели рыскали в зарослях, преследовали добычу, шуршали. По ночам авиары спали, и у самых опасных хищников острова появлялся шанс. Вдалеке пронзительно вскрикнул ночеглот, его жуткий вопль эхом разнесся по джунглям.

Сак расправила крылья и, подавшись вперед, начала покачивать головой взад-вперед. Вопли ночеглота всегда вызывали у нее дрожь. Как и у Заката.

Закат со вздохом поднялся, устроив Сак на плече, а когда повернулся, то едва не споткнулся о собственный труп. Он сразу насторожился. Откуда ждать беду? Лианы в ветвях? Паук тихонько спускается сверху? В убежище не должно быть ничего опасного.

Сак вскрикнула, словно от боли.

Всполошились и другие авиары, на Заката обрушилась какофония клекота, крика и чириканья. И не только они! Со всех сторон, вблизи и вдали, отдавались эхом крики диких авиаров. Птицы шумели в листве, словно в кронах деревьев гулял сильный ветер.

Закат кружился на месте, заткнув уши и выпучив глаза: вокруг появлялись все новые трупы. Они громоздились кучей, один на другом: одни распухшие, другие окровавленные, третьи вообще скелеты. Они преследовали его. Десятки и сотни трупов.

Он с воплем рухнул на колени и столкнулся нос к носу с одним из трупов. Только этот... был не совсем мертв. Кровь капала с губ, судорожно пытавшихся что-то произнести, но Закат не понял ни слова.

Видение рассеялось.

Трупы исчезли все до единого. Закат исступленно крутанулся на месте, но не увидел тел. Крики авиаров стихли, птицы в гнездах успокоились. Он глубоко вдохнул и выдохнул, сердце бешено колотилось. Напряжение было такое, словно в любой момент из окружающего мрака могла вырваться тень и поглотить его. Он чувствовал ее приближение. Ему хотелось убежать сломя голову.

Что это было? За все годы, проведенные с Сак, он никогда не видел ничего подобного. Что могло всполошить всех авиаров сразу? Крик ночеглота?

«Не глупи, – подумал Закат. – Это нечто совсем другое, с таким ты никогда не сталкивался. Такое никогда не встречалось на Патжи».

Но что? Что изменилось?..

В отличие от остальных птиц Сак не успокоилась. Она устремила взгляд на север, где, по словам Вати, располагался главный лагерь захватчиков.

Закат спустился в комнату с Сак на плече.

– Что творят ваши люди?

Вати смотрела в окошко, выходящее на север. Она обернулась на его резкий тон.

– Я не...

Закат схватил ее за жилетку и притянул к себе, сверля взглядом:

– Чем вы там занимаетесь?

Ее глаза расширились. Он почувствовал, как она дрожит в его руках, хоть и стиснула зубы и удерживает взгляд. У клерков не бывает такой выдержки. Закат видел, как они марают бумагу в своих каморках без окон. Он крепче стиснул жилетку, так что ткань врезалась в ее кожу, и понял, что тихо рычит.

– Отпусти меня, – вымолвила Вати, – и мы поговорим.

– Вот еще! – Он разжал пальцы.

Она с глухим стуком коснулась пола. Закат даже не отдавал себе отчета, что оторвал ее на пару дюймов от земли.

Вати попятилась, стараясь отодвинуться от него, насколько позволяла хижина. Он подошел к окну и выглянул сквозь сетку в темноту. Его труп свалился с крыши и ударился о землю. Закат отпрыгнул назад, опасаясь, что снова началось то же самое.

Нет, ничего подобного. Однако, отвернувшись от окна, он увидел в углу очередной труп с приоткрытыми окровавленными губами и остекленевшим взглядом. В чем бы ни заключалась опасность, она не миновала.

Вати сидела на полу, держась за голову. Ее трясло. Неужели он так сильно ее напугал? Она выглядела измученной. Обняв себя за плечи, она посмотрела на него с новым выражением – словно на дикого зверя, сорвавшегося с цепи.

Действительно, похоже.

– Что ты знаешь о Высших? – спросила она.

– Они живут меж звезд, – ответил Закат.

– Представители компании встречались с ними. Нам их не постичь. Они похожи на нас внешне и временами говорят, как мы. Но у них есть... правила, законы, в которые нас не посвящают. Они отказываются продавать свои диковины, но и им будто запрещено принимать что-либо от нас, даже в обмен. Они обещают, что все изменится, когда мы станем более развитыми. Они считают нас неразумными детьми.

– Какое нам до них дело? Для нас же лучше, если они оставят нас в покое.

– Ты не видел, на что они способны. – В глазах Вати появилось отстраненное выражение. – Мы только-только научились строить корабли, которые могут плавать сами, против ветра. Но Высшие... плавают по небесам, путешествуют меж звезд. Они знают так много, но ничего не хотят нам рассказывать.

Покачав головой, она полезла в карман юбки.

– Им что-то нужно от нас, Закат... Что заинтересовало Высших? По их словам, есть много миров, подобных нашему, чьи обитатели не способны путешествовать меж звезд. Мы не уникальные, однако Высшие возвращаются снова и снова. Им что-то нужно. Это видно по их глазам...

– Что это? – Закат кивнул на вещицу, которую Вати достала из кармана и держала на ладони. Та походила на раковину моллюска, только с похожей на зеркало поверхностью.

– Это устройство, – ответила она. – Как часы, только заводить не нужно. Оно показывает... разные штуки.

– Какие штуки?

– Например, переводит с одного языка на другой. С нашего – на язык Высших. А еще... указывает местоположение авиаров.

– Что?

– Это вроде карты, – объяснила Вати. – Указывает направление к авиарам.

– Вот как ты нашла убежище. – Закат шагнул к ней.

– Да. – Женщина потерла устройство большим пальцем. – У нас не должно быть таких вещей. Эта принадлежала эmissару, которого послали работать с нами. Пару месяцев назад он подавился за обедом и умер. Оказывается, они могут умереть даже по столь банальной причине. После этого мое отношение к Высшим... поменялось. Они спрашивали про его приборы, и скоро нам придется их вернуть. Судя по этой вещице,

им нужны авиары. Высшие всегда ими восхищались. Мне кажется, они ищут способ выторговать птиц, не нарушая своих законов. Еще они дали понять, что нам может грозить опасность, – не все их сородичи чтят законы.

– Но почему авиары так отреагировали только сейчас? – Закат повернулся к окну. – Почему...

«Почему я видел то, что видел? И вижу до сих пор».

Куда бы он ни посмотрел, взгляд наткнулся на его собственный труп: придавленный деревом, валяющийся в углу хижины, свисающий с люка в крыше. Растяпа. Нужно было его закрыть.

Сак зарылась в его волосы, как делала всегда, когда поблизости рыскал хищник.

– Есть еще... и второй прибор, – призналась Вати.

– Где?

– На нашем корабле.

Именно в том направлении смотрели авиары.

– Второй прибор значительно больше, – добавила Вати. – У этого ограниченная дальность действия. Устройство на корабле может создать огромную карту размером с целый остров, а затем перерисовать ее на бумагу. Точками будет отмечено местоположение каждого авиара.

– И?

– Мы собирались запустить его сегодня вечером. Подготовка занимает несколько часов, как разогрев печи. По плану его должны были включить сразу после заката, чтобы воспользоваться им утром.

– Остальные запустят его без тебя? – настойчиво спросил Закат.

Вати скривилась:

– Легко. Капитан Юсто, наверное, приплясывал от радости, когда я не вернулась из разведки. Все переживал, что я захвачу руководство над экспедицией. Но устройство безвредное, оно просто засекает авиаров.

– Вы включали его раньше? – Закат махнул рукой во тьму. – Когда вы использовали его в последний раз, это привлекло внимание всех авиаров? Переполошило их?

– Вообще-то нет. Но все уже успокоилось, верно? Волноваться не о чем.

Не о чем? Сак на его плече дрожала. Закат повсюду видел смерть. Когда они включили прибор, появились горы трупов. Если его запустят снова, случится нечто ужасное. Он был в этом уверен. Кожей чувствовал.

– Их нужно остановить.

– Что? – возмутилась Вати. – Сейчас?

– Именно. – Закат подошел к тайнику в стене. Открыв, начал перебирать содержимое: запасной фонарь, масло.

– Это безумие! Никто не шляется по островам ночью.

– Однажды я это уже делал. Вместе с дядей.

Его дядя как раз погиб в том походе.

– Закат, ты же не серьезно? Там ночеглоты. Я их слышала.

– Ночеглоты охотятся по волнам разума. – Он паковал снаряжение. – Они почти полностью глухие и слепые. Если будем двигаться быстро и срежем через центр острова, к утру доберемся до вашего лагеря. И сможем помешать снова запустить устройство.

– Но зачем?

Он закинул мешок на плечо.

– Если мы не вмешаемся, они уничтожат остров.

Вати нахмурилась, склонив голову набок.

– Откуда ты знаешь? С чего ты вообще это взял?

– Твоего авиара придется оставить здесь из-за раны. – Вопрос он проигнорировал. – Если с нами что-то случится, он не сможет улететь. – То же самое можно было сказать про Сак, но без нее он никуда не пойдет. – Верну его тебе, когда покончим с прибором. Пошли.

Он открыл люк в полу.

Вати встала, но тут же прижалась к стене:

– Я останусь здесь.

– Ваши мне не поверят, – сказал Закат. – Тебе придется уговорить их остановиться. Так что ты идешь.

Вати облизнула губы – похоже, она так делала, когда нервничала. Посмотрела по сторонам, ища пути к бегству, затем снова на него. Закат тут же увидел свой труп, висящий на прибитых внизу колышках, и подскочил на месте.

– Что это было? – требовательно спросила Вати.

– Ничего.

– Ты постоянно озираешься по сторонам. Что там тебе мерещится, Закат?

– Идем. Сейчас же.

– Ты слишком долго пробыл на острове в одиночестве. – Она явно пыталась его успокоить. – Наше прибытие выбило тебя из колеи. Ты не в состоянии мыслить ясно. Я понимаю.

Он глубоко вздохнул:

– Сак, покажи ей.

Птица сорвалась с его плеча и перелетела к Вати. Та повернулась к ней, нахмурившись.

Через мгновение она, охнув, упала на колени и скорчилась у стены. Глаза метались по сторонам, губы беззвучно шевелились. Немного помедлив, Закат вытянул руку. Сак взмахнула черными крыльями и, обронив перышко на пол, снова устроилась на плече хозяина. Даже такой короткий полет был для нее испытанием.

– Что это было? – спросила Вати.

– Пошли. – Закат подхватил заплечный мешок и начал спускаться.

Вати бросилась к крышке люка.

– Нет! Скажи, что это было?

- Ты видела свой труп.
- Они были везде, куда бы я ни взглянула.
- Таков дар Сак.
- Не бывает такого дара.

Закат посмотрел на нее снизу вверх, наполовину спустившись с дерева:

– Ты видела свою смерть. Вот что случится, если твои друзья запустят устройство. Смерть. Для всех. Для авиаров, для всех, кто здесь обитает. Не знаю почему, но знаю, что так и будет.

– Ты нашел новый вид авиаров, – произнесла Вати. – Как?.. Когда?..

– Дай фонарь.

Она в замешательстве повиновалась. Он взял фонарь в зубы и спустился на землю. Потом поднял его повыше, чтобы осветить склон холма.

Чернильные ночные джунгли. Как морская бездна.

Закат поежился, потом свистнул. Кокерлии спикировал сверху на свободное плечо. Он скроет мысли, так что у них есть шанс. Все равно будет непросто. Хищники охотились по волнам разума, но многие умели выслеживать добычу и по запаху, и с помощью других органов чувств.

Вати спустилась вслед за Закатом. Из ее заплечного мешка все так же торчала странная трубка.

- У тебя два авиара, – сказала она. – Ты используешь сразу обоих?
- У моего дяди их было три.
- Как это вообще возможно?
- Авиарам нравятся трапперы.

Так много вопросов. Неужели трудно хоть немного подумать, прежде чем что-то спрашивать?

– Мы и правда собираемся это сделать, – прошептала Вати себе под нос. – Ночью через джунгли. Надо было остаться. Надо было отказаться...

– Ты видела, что случилось бы с тобой тогда.

– Я видела лишь, как, по твоему утверждению, я умру. Новый вид авиара... Уже столетия не бывало ничего подобного.

В ее голосе еще звучало сомнение, но она пошла за Закатом, когда тот отправился вниз по склону холма, обходя ловушки и углубляясь все дальше в джунгли.

Под деревом сидел его труп. Закат немедленно осмотрелся в поисках угрозы, но, похоже, дар Сак не работал как обычно. Нависшая над островом гибель была настолько всепоглощающей, что сглаживала более мелкие опасности. Пока устройство не уничтожено, полагаться на видения Сак нельзя.

Над их головами сомкнулись густые тропические заросли. Было жарко, несмотря на ночное время. Океанский бриз не проникал так

далеко вглубь острова. В застоявшемся воздухе витали запахи джунглей: плесени, гниющих листьев, ароматы цветов. Их сопровождали звуки оживающего острова. В кустах что-то постоянно шуршало, напоминая возню личинок в куче сухой листвы. Света фонаря не хватало, чтобы освещать путь как следует.

Вати держалась как можно ближе к Закату.

– Зачем ты это делал раньше? – прошептала она. – В прошлый раз?

Опять вопросы. К счастью, звуки не слишком опасные.

– Я был ранен. Нужно было добраться из одного убежища в другое, ради противоядия из запасов дяди.

А все потому, что у Заката дрожали руки, и он уронил склянку.

– И ты выжил? Ну конечно, выжил. Я имею в виду, это удивительно, вот и все.

Казалось, она говорит только затем, чтобы наполнить звуками воздух.

– Что, если они следят за нами? – спросила она, вглядываясь во мрак. – Ночеглоты.

– Не следят.

– Откуда тебе знать? В этой темноте может скрываться все, что угодно.

– Если бы ночеглоты нас заметили, мы уже были бы мертвы. Вот откуда я знаю.

Покачав головой, Закат вытащил мачете и срубил несколько веток перед собой. На них могли притаиться смертомуравьи. Их трудно заметить в темноте, поэтому прикасаться к листве было не самым разумным решением.

«Все равно от этого никуда не деться, – подумал он, спускаясь в овражек, дно которого покрывала грязь. Приходилось идти по камням, чтобы не увязнуть. Вати следовала за ним с удивительной ловкостью. – Нужно идти быстро. Я не могу срубить все ветки на пути».

Закат перепрыгнул с камня на другую сторону овражка, миновав свой тонуций в грязи труп. Неподалеку он заметил еще один, прозрачный и потому почти невидимый. Он поднял фонарь повыше. Неужели снова?

Другие трупы не появлялись. Только эти два. А тот, что прозрачный... точно, там провал в земле. Сак тихонько чирикнула, и Закат достал ей из кармана семечко. Она придумала, как помогать ему. Прозрачные видения означали непосредственную угрозу, необходимо следить именно за ними.

– Спасибо, – прошептал он авиару.

– Эта твоя птица... – Вати понизила голос во мраке ночи. – Есть ли другие такие?

Они выбрались из овражка и направились дальше, миновав в темноте след крелля. Закат сделал знак остановиться, когда они едва не наступили на смертомуравьев. Вати посмотрела на цепочку крошечных желтых насекомых,двигающихся по прямой.

– Закат? – позвала она, когда они обошли смертомуравьев. – Есть ли другие такие? Почему ты не продаешь птенцов на рынке?

– У меня нет птенцов.

– То есть ты нашел только одного?

Вопросы, вопросы. Как назойливые мухи.

«Не будь дураком, – сказал он себе, подавляя раздражение. – Ты бы тоже спросил, если бы увидел кого-то с новым авиаром».

Он старался держать существование Сак в тайне. Много лет даже не брал ее с собой, когда покидал остров. Но когда птица повредила крыло, Закат не захотел оставлять ее одну.

В глубине души он знал, что однажды тайна выплывет наружу.

– Таких, как она, много. Но дар только у нее.

Он продолжил орудовать мачете, а Вати замерла на месте. Обернувшись, он увидел, что она одиноко стоит посреди проложенной тропы. Закат вручил ей фонарь.

– Эта птица с материка. – Вати подняла фонарь выше. – Я сразу поняла, как только ее увидела, но решила, что она не авиар, ведь у материковых птиц не бывает дара.

Закат отвернулся и продолжил расчищать тропу.

– Ты привез птенца на Пантеон, – прошептала Вати за его спиной. – И он обрел дар.

Закат с размаху срубил ветку и пошел дальше. Опять же, она не задала вопроса, так что отвечать необязательно.

Вати с фонарем поспешила догнать его, и перед Закатом легла его собственная тень.

– Наверняка кто-то уже проделывал такое. Наверняка...

Он не знал.

– Хотя с какой стати? – продолжила она негромко, словно беседуя сама с собой. – Авиары уникальны. Все знают, у какой породы какой дар. Никому ведь не придет в голову, что рыба научится дышать воздухом, если вырастет на земле. Так же никому не придет в голову, что обычная птица станет авиаром, если вырастет на Патжи...

Они продолжали идти сквозь мрак. Закат избежал многих опасностей, но понял, что вынужден почти полностью полагаясь на помощь Сак. Не идти вдоль ручья – в воде колыхнется твой труп. Не прикасаться к дереву – кора сочится ядовитой гнилью. Свернуть с тропинки – там твой труп с укусом смертомуравья.

Сак не разговаривала с ним, но каждое послание было ясным. Когда он остановился, чтобы Вати попила из фляги, и взял Сак на руки,

то обнаружил, что птица дрожит. Она даже не клюнула его, как обычно делала в таких случаях.

Они остановились на небольшой полянке, окруженные кромешной тьмой. Небо затянули облака. Вдалеке слышался шум дождя по листве. Здесь это не редкость.

Подали голос ночеглоты: сначала один, за ним другой. Они так вопили, только убив или пытаясь спугнуть добычу. Стада креллей часто ночевали рядом с авиарами. Переполоши птиц, и почувешь креллей.

Вати достала трубку: не футляр для карт и вовсе не научную штуковину, судя по тому, как она держала ее, засыпая что-то внутрь с одного конца. Закончив, она подняла трубку, словно оружие. У ее ног лежал искалеченный труп Заката.

Он не стал расспрашивать об оружии, даже когда она вытащила что-то вроде короткого легкого копья и вставила его в трубку. Никакое оружие не пробьет толстую шкуру ночеглота. Ты либо избежал с ним встречи, либо уже мертв.

На плечо Заката спланировал щебечущий Кокерлии. Похоже, темнота сбивала авиара с толку. Почему они в джунглях ночью, когда птицы обычно помалкивают?

– Нужно двигаться. – Он усадил Сак на другое плечо и вытащил мачете.

– Ты понимаешь, что твоя птица все меняет? – тихо произнесла Вати, следуя за ним с мешком на плече и трубкой в руке.

– Появится новый вид авиаров, – прошептал Закат, перешагивая через свой труп.

– Если бы только это. Закат, мы считали, что у птенцов, выросших вдали от островов, не развиваются способности, потому что рядом нет других птиц, которые бы их обучали. Мы считали, что их способности врожденные, как, например, наша способность говорить. Она передается от родителей детям, но нам требуется помощь, чтобы развить ее.

– Может, так и есть, – ответил он. – Представителей других видов, вроде Сак, едва ли можно обучить разговаривать.

– А твоя птица? Ее обучали другие?

– Возможно.

Закат не стал говорить, что думает на самом деле. Это касалось только трапперов. Впереди на земле лежал труп.

Не его труп.

Он тут же вскинул руку, предупреждая очередной вопрос Вати. Что тут произошло? С большей части скелета содрана плоть, вокруг валяются клочья одежды, словно пировали животные. Возле трупа проросли маленькие, похожие на грибок растения, покрыв его крошечными красными усиками.

Закат поднял взгляд на могучее дерево, у подножия которого лежал труп. Цветы на дереве не распустились. У него вырвался вздох облегчения.

– Кто это сделал? – прошептала Вати. – Смертомуравьи?

– Нет. Перст Патжи.

Она нахмурилась.

– Это что... какое-то ругательство?

– Название. – Закат осторожно шагнул вперед, чтобы осмотреть труп.

Мачете. Сапоги. Видавшее виды снаряжение. Погиб один из его товарищей. Закат узнал его по одежде – пожилой траппер по имени Первый в полдень.

– Название чего? – Вати заглянула ему через плечо.

– Название дерева. – Он осторожно ощупывал одежду мертвеца – в нее могли забраться насекомые. – Посвети-ка.

– Никогда не слышала о таком дереве, – заявила Вати скептически.

– Они растут только на Патжи.

– Я много читала о флоре этих островов...

– Здесь ты просто ребенок. Посвети.

Вздыхнув, Вати подняла фонарь. Закат палкой проверил карманы изорванной одежды. Траппера загрызла стая клыкоходов – крупных хищников размером с человека, охотившихся в основном днем. Их передвижения были предсказуемыми, если только какой-нибудь клыкоход не натыкался на Перст Патжи в пору цветения.

Вот она. В кармане мужчины обнаружилась книжечка. Закат взял ее и отступил назад. Вати заглянула ему через плечо. Островитяне держались так близко друг к другу. Разве обязательно стоять прямо у локтя?

Закат просмотрел первые страницы и обнаружил список дат. Судя по последней записи, Полдень умер всего пару дней назад. Следующие страницы содержали сведения об убежищах и пояснения о ловушках. На последней странице было прощание: «Меня зовут Первый в полдень. Наконец Патжи забрал меня. Мой брат живет на Сулуко. Позаботься о них, конкурент».

Всего несколько слов. Хорошо. Закат носил с собою похожую книжечку, и на ее последней странице было написано еще меньше.

– Он просит позаботиться о его семье? – поинтересовалась Вати.

– Не глупи. – Закат спрятал книжечку. – О птицах.

– Как трогательно. А я столько слышала, что трапперы до последнего защищают свою территорию.

– Так и есть. – Он отметил про себя, как она произнесла последнюю фразу – словно считала трапперов животными. – Но наши птицы погибнут без ухода, они привыкают к людям. Лучше передать их конкуренту, чем обречь на верную смерть.

– Даже если этот конкурент тебя убил? Ваши ловушки, попытки вредить друг другу...

– У нас так принято.

– Ужасное оправдание, – сказала она, посмотрев на дерево.

Она была права.

Ветви массивного дерева клонились вниз. Каждая заканчивалась крупным нераспустившимся цветком размером в две ладони.

– Ты вроде бы спокоен, – заметила Вати. – Хотя, похоже, траппера убило это дерево.

– Они опасны, только когда цветут.

– Споры?

– Нет.

Закат подобрал мачете погибшего траппера, но другие вещи не тронул. Пусть их заберет Патжи. Отец так любил убивать своих детей. Он пошел дальше, уводя за собой Вати и не обращая внимания на собственный труп, привалившийся к стволу дерева.

– Закат? – Вати подхватила фонарь и поспешила следом. – Если дело не в спорах, то как убивает это дерево?

– Очень много вопросов.

– Смысл моей жизни в вопросах. И в ответах. Раз уж мои люди будут работать на этом острове...

Размахнувшись мачете, Закат срубил несколько веток.

– Этого не избежать, – произнесла Вати тише. – Я сожалею, Закат, но ты не можешь остановить прогресс. Возможно, моя экспедиция потерпит неудачу, но придут другие.

– Все из-за Высших, – огрызнулся он.

– Наверное, они нас подтолкнули. Да, когда мы убедим их в том, что стали достаточно развитыми, чтобы торговать с нами, мы будем путешествовать меж звезд, как они. Но перемены произойдут и без них. Мир меняется. Одному человеку не замедлить процесс, как бы он ни старался.

Закат остановился посреди тропы.

«Нельзя остановить прилив, Закат. Как бы ты ни старался».

Слова его матери. Одно из последних воспоминаний о ней.

Он продолжил путь. Вати шла следом. Она ему еще понадобится, хотя предательский голосок внутри нашептывал, как легко от нее избавиться. Вместе с ней исчезнут вопросы и, что важнее, ответы. Ответы, к которым она так близка.

«Ты не в силах помешать...»

Не в силах. Его всегда охватывала бессильная злоба. Он очень хотел защитить остров, как столетиями делали его предшественники. Он трудился в джунглях Патжи, любил его птиц, обожал его запахи и звуки – вопреки всему. Как же он мечтал доказать Отцу, что он и другие трапперы достойны ступить по его земле.

Возможно... Возможно, если...

Как бы не так. Смерть женщины не поможет уберечь остров. Кроме того, неужели он пал так низко, что готов хладнокровно расправиться с беспомощным клерком? Он не поступил бы так даже с другим траппером, разве что тот вторгся бы в его убежище и отказался уходить.

– Цветки того дерева могут думать, – неожиданно для себя произнес Закат, после того как они повернули прочь от холма, за которым рыскала стая клыкоходов. – Персты Патжи. Сами деревья не опасны, даже когда цветут, но они привлекают хищников. Имитируют мысли раненого зверя, полные боли и отчаяния.

У Вати перехватило дыхание.

– Растение, которое передает ментальные сигналы? Ты уверен?

– Да.

– Мне нужен один из тех цветков.

Свет фонаря задрожал, когда она повернула обратно.

Закат резко развернулся и схватил ее за руку.

– Нужно двигаться.

– Но...

– У тебя еще будет возможность. – Он глубоко вздохнул. – Скоро ваши люди расползутся по острову, как черви по падали. Ты найдешь другие деревья. А сейчас нужно идти. Скоро рассвет.

Он отпустил ее и продолжил прокладывать путь. Для жительницы островов она была умна. Может, послушает.

И она послушала – последовала за ним.

Персты Патжи. Первый в полдень, погибший траппер, не должен был умереть в том месте. Деревья и правда не такие опасные. Они жили тем, что распутившимися цветками приманивали хищников. Те убивали друг друга, а деревья питались трупами. Должно быть, Полдень набрел на дерево, когда оно только начинало расцветать, и столкнулся с хищниками.

Защиты авиара не хватило, чтобы оградить от множества распутившихся цветков. Мог ли он ожидать подобной смерти? Проведя много лет на острове, избежав гораздо более страшных опасностей, угодить в ловушку простых цветков? Со стороны Патжи это казалось чуть ли не насмешкой над беднягой.

Вскоре дорога пошла на подъем. Придется идти в гору, пока они не доберутся до противоположного склона и спустятся на другую сторону острова. К счастью, дорога лежала в обход главной вершины Патжи – скалистого пика, возвышавшегося над восточной частью острова. Убежище Заката располагалось на юге, а лагерь Вати – на северо-востоке, так что они могли обогнуть подножие горы и выйти на северное побережье.

Они набрали темп, и какое-то время Вати молчала. Наконец, преодолев особенно крутой подъем, Закат кивком объявил привал и присел на корточки, чтобы напиться из фляжки. На Патжи нельзя беспечно расслаживаться на пнях и бревнах.

Погрузившись в тревожные и даже досадные размышления, он слишком поздно увидел, чем занята Вати. Она заметила длинное разноцветное перо, застрявшее в ветвях. Брачное перо.

Закат вскочил на ноги.

Вати потянулась к нижним ветвям.

Как только она дернула ветку, с ближайшего дерева сорвалась связка шипов. Закат рванулся вперед, заслонив женщину. Длинный тонкий шип пронзил его руку и окровавленный вышел с тыльной стороны, остановившись в волоске от щеки Вати.

Она завизжала.

Большинство хищников на Патжи не могло похвастать хорошим слухом, но кричать все равно неразумно. Однако Закату было не до этого. Он выдернул шип, и, не обращая внимания на кровотечение, осмотрел другие шипы ловушки.

Яда нет. К счастью, шипы не отравлены.

– Твоя рука! – воскликнула Вати.

Он фыркнул. Рука не болела. Пока. Вати полезла в заплечный мешок за бинтом. Он принял помощь без жалоб и стонов, даже когда пришла боль.

– Мне так жаль! – выпалила Вати. – Я нашла брачное перо! Значит, рядом гнездо авиаров, и я хотела поискать на дереве. Мы наткнулись на убежище другого траппера?

Она тараторила без умолку, занимаясь его рукой. Логично. Когда он нервничал, становился еще молчаливее. А она наоборот.

Вати хорошо управлялась с повязкой, снова удивив его. Шип не задел главных артерий. Рана оказалась неопасной, но пользоваться левой рукой будет непросто. Это раздражало. Когда Вати закончила, глядя робко и виновато, он поднял оброненное ею брачное перо.

– Это символ твоего невежества, – грубо прошептал Закат, держа перо прямо перед ее носом. – На островах Пантеона ничто не достается легко и просто. Перо оставил другой траппер, чтобы подловить того, кто не достоин находиться здесь, того, кто прельстится доступностью добычи. Не будь такой. Прежде чем сделать шаг, спроси себя: не слишком ли все легко?

Вати побледнела и взяла перо.

– Идем.

Закат пошел дальше и вдруг осознал, что только что произнес наставление для ученика. Наставление, которое дают после первой серьезной ошибки. Ритуал трапперов. Что заставило его так поступить?

Вати шагала следом, пристыженно опустив голову. Она не поняла, какую честь он ей оказал, пусть и невольно. Так они шли около часа.

Когда она заговорила, Закат по непонятной причине почти обрадовался ее голосу, нарушившему привычные звуки джунглей.

– Прости.

– Не извиняйся. Просто будь осторожна.

– Я понимаю. – Вати глубоко вздохнула. – И сожалею. Не только о твоей руке, но и об этом острове. О том, что грядет. Мне кажется, это неизбежно, но я бы не хотела, чтобы умерла такая великая традиция.

– Я...

Слова. Он терпеть не мог подбирать слова.

– Я... я родился не на закате, – наконец произнес он, затем срубил топь-лиану и задержал дыхание. Ядовитый газ топь-лианы был опасен лишь несколько мгновений.

– Что? – переспросила Вати, держась подальше от топь-лианы. – Ты родился...

– Мать назвала меня не по времени рождения. Она видела, что наступает закат нашего народа, и часто повторяла, мол, скоро солнце для нас зайдет.

Он оглянулся на Вати и пропустил ее вперед на небольшую полянку.

Как ни странно, она улыбнулась ему. И чего он разоткровенничался? Закат последовал за ней, укоряя себя. Он ведь даже дяде не говорил, только родители знали, откуда взялось его имя.

Он не понял, почему рассказал это ей, клерку из зловредной компании. Однако... выговорившись, Закат почувствовал облегчение.

За спиной Вати меж двух деревьев выскочил ночеглот.

Огромное чудовище, выпрямившись, достало бы до верхушки дерева. Ночеглот крался, наклонившись вперед. Основной вес туши приходился на мощные задние лапы, передние скребли когтями землю. Он вытянул длинную шею и разинул смертоносный, острый как бритва клюв. Зверюга походила на птицу в той же степени, что волк – на домашнюю собачонку.

Закат метнул мачете – инстинктивно, некогда было думать, некогда бояться. Щелкающий клюв размером с дверь настиг бы их за пару мгновений.

Мачете скользнуло по клюву и даже поранило голову. Отвлечшись, ночеглот промедлил. Закат прыгнул к Вати. Она отстранилась и уперла трубку одним концом в землю. Нужно оттащить ее, в...

Прогремел оглушительный взрыв.

Вати стояла в клубах дыма с широко раскрытыми глазами. Она уронила фонарь, и масло разлилось. Неожиданный грохот ошеломил Заката, и он чуть не врезался в женщину. Ночеглот пошатнулся и завалился набок, а земля содрогнулась от падения огромной туши.

Закат обнаружил, что тоже лежит на земле. Он вскочил и отпрянул от бьющегося в конвульсиях ночеглота в считанных дюймах от себя. В неровном свете фонаря он разглядел гладкую, в пупырышках, как у ошипанной птицы, шкуру чудовища.

Ночеглот мертв. Вати убила его.

Она что-то сказала.

Вати убила ночеглота.

– Закат! – Голос звучал будто издалека.

Он коснулся ладонью лба, запоздало покрывшегося испариной. В раненой руке пульсировала боль, но в остальном он не пострадал. Хотелось убежать. Он никогда не горел желанием оказаться столь близко от одной из этих тварей. Никогда.

Она и правда его убила.

Потрясенный, он повернулся к Вати. Та дрожала, но хорошо это скрывала.

– Сработало, – проговорила она. – Мы не были уверены, хотя изготовили их специально для ночеглотов.

– Как пушка, – сказал Закат. – Как корабельная пушка, только ручная.

– Верно.

Он снова повернулся к чудовищу, в котором еще теплилась жизнь. Ночеглот дернулся и испустил жалобный вопль, потрясший Заката, хотя после выстрела слух еще не вернулся полностью. Копье попало ночеглоту прямо в грудь.

Чудовище содрогнулось и дернуло ослабевшей лапой.

– Мы могли бы перебить их всех. – Закат подскочил к Вати и схватил ее здоровой рукой. – С такими пушками мы могли бы перебить их всех. Всех ночеглотов. А может, и теней!

– Ну, это обсуждалось. Однако они важная часть экосистемы островов. Если уничтожить хищников высшего порядка, возможны нежелательные последствия.

– Нежелательные последствия? – Закат провел левой рукой по волосам. – Они исчезнут. Все! Меня не волнует, если это приведет к другим проблемам. Лишь бы они сдохли.

Фыркнув, Вати подняла с земли фонарь и притоптала загоревшуюся траву.

– А я-то думала, трапперы радеют о природе.

– Так и есть. Поэтому я знаю, что без этих тварей всем будет только лучше.

– Ты разрушаешь мои романтические представления о трапперах, Закат. – Она обошла умирающее чудовище.

Подняв руку, Закат свистнул, и Кокерлии спорхнул с верхних веток. В суматохе он не заметил, как птица улетела. Сак по-прежнему мертвой хваткой цеплялась за плечо, когти впились в кожу сквозь ткань.

Закат не обращал внимания. Кокерлии приземлился на руку и виновато защебетал.

– Ты ни при чем. Это ночные хищники. Даже не чувствуя наш разум, они могут нас унюхать.

Считалось, что у ночеглотов отменное обоняние. Этот, видимо, наткнулся на их след и пошел по нему.

Опасные твари. Дядя утверждал, что ночеглоты умнеют. Они понимали, что, выслеживая людей, нельзя полагаться только на волны разума.

«Нужно было пересечь больше ручьев», – подумал Закат.

Он успокаивающе погладил шею Сак. Просто нет времени...

Его труп попадался на глаза, куда бы он ни повернулся: распластаный на камне, висящий в лианах, придавленный лапой умирающего ночеглота...

Зверь дернулся еще раз, затем, как ни удивительно, поднял страшную голову и испустил последний вопль. Не такой громкий, как обычные крики в ночи, но все равно внушающий ужас и пробирающий до костей. Закат невольно отступил, а Сак нервно заклекотала.

Вдалеке слышались пронзительные крики других ночеглотов. Заката учили, что подобные звуки – вестники смерти.

– Уходим. – Он потянул Вати прочь от умирающего чудовища, которое опустило голову и затихло.

– Закат?

Она не сопротивлялась.

Крик ночеглота вновь разрезал тишину ночи. На этот раз ближе?

«О Патжи, пожалуйста, – мысленно взмолился он. – Только не это».

Закат потащил Вати еще быстрее и потянулся к мачете на боку, но его там не было. Он метнул его в ночеглота. Тогда он вытащил оружие, подобранное у погибшего конкурента. Они покинули поляну и углубились в джунгли, больше не заботясь о том, что могут наткнуться на смертомуравьев.

Надвигалась более страшная опасность.

Снова раздались крики смерти.

– Они приближаются? – спросила Вати.

Закат промолчал. Это был вопрос, но он не знал ответа. По крайней мере, слух восстанавливался. Он отпустил руку Вати и ускорил шаг почти до бега – гораздо быстрее, чем следовало передвигаться по джунглям, неважно, днем или ночью.

– Закат! – прошипела Вати. – Они идут на зов умирающего? Какие у них повадки?

– Откуда мне знать? Я не слышал, чтобы раньше кому-нибудь удавалось убить ночеглота.

В свете фонаря его взгляд снова зацепился за трубку на ее плече.

Закат остановился, хотя инстинкты кричали, чтобы он продолжал двигаться. Он почувствовал себя дураком.

– Твое оружие, – сказал он. – Ты можешь использовать его еще раз?

– Да. Еще один раз.

– Один?

Сзади послышалось с полдюжины воплей.

– Да. У меня с собой только три копья и пороха на три выстрела. Первый я истратила на тень, но без особого успеха.

Закат замолчал и потащил Вати дальше сквозь заросли, не обращая внимания на раненую руку – повязку требовалось сменить. Крики раздавались снова и снова, возбужденные, душераздирающие. Как спастись от ночеглотов? Авиары цеплялись за него, по одному на каждом плече. Когда они преодолевали узкий глубокий овраг, пришлось перепрыгнуть через собственный труп.

«Как спастись? – думал Закат, вспоминая наставления дяди. – Прежде всего – не привлекать их внимание!»

Ночеглоты были шустрыми. Кокерлии скроет его разум, но если твари взяли след возле убитого сородича...

Вода. Закат остановился, посмотрел направо, потом налево. Где найти ручей? Патжи – остров. Основной источник воды здесь – дождь. Крупнейшее и единственное озеро находилось выше, ближе к вершине. С восточной стороны несколько отвесных скал образовывали Око Патжи, в котором скапливалась дождевая вода. Река – его слезы.

Вести туда Вати было опасно. Они уже обошли склон горы, держа путь через центр острова к северному побережью. Почти добрались...

Пронзительные крики за спиной подстегнули его. Патжи придется простить ему то, что он собирался сделать. Закат схватил Вати за руку и повернул на восток. Она не жаловалась, только не переставая оглядывалась через плечо.

Вопли звучали все ближе.

Закат побежал. Он никогда не думал, что будет так бегать по Патжи: очертя голову, напролом. Он перепрыгивал через ямы и замшелые упавшие стволы. Продирался сквозь темный подлесок, распугивая микеров и тревожа сонных авиаров в кронах деревьев. Глупость. Безумие. Но не все ли равно? Он нутром чувствовал, что ничто ему не страшно. На него вели охоту владыки острова. Прочая мелюзга не посмеет перейти им дорогу.

Вати попевала за ним с трудом. Ей здорово мешала длинная юбка, но она догоняла его каждый раз, когда приходилось останавливаться, чтобы прорубить путь через заросли. Упорная, отчаянная. Закат надеялся, что она справится, и она справлялась. Часть его сознания, не поддавшаяся панике, пребывала в восхищении. Из этой женщины

получился бы выдающийся траппер. Однако она, скорее всего, уничтожит всех трапперов.

Он застыл, когда крики за спиной раздались совсем близко. Вати ахнула, а Закат снова принялся за дело. Уже недалеко. Истекая потом, он прорубился сквозь густые заросли и побежал. В пляшущем свете фонаря джунгли представляли устрашающими тенями, танцующими на стволах, листве, папоротниках и скалах.

«Ты сам виноват, Патжи, – с неожиданной злобой подумал Закат. Казалось, что крики звучат прямо над головой. Не хруст ли веток слышен позади? – Мы твои служители, но ты ненавидишь нас! Ты всех ненавидишь».

Он выскочил из джунглей на берег реки. Небольшая по меркам материка, но сойдет. Закат повел Вати прямо в реку, расплескивая холодную воду.

Они направились вверх по течению. Что еще оставалось? Идя в обратном направлении, они бы лишь приблизились к тем крикам, вестникам смерти.

«Вестникам заката», – подумалось ему.

Едва доходящая до икр вода оказалась ледяной. Самая холодная вода на острове, хотя Закат не знал почему. Поскальзываясь и спотыкаясь, они из последних сил бежали вверх по реке. Миновав каньон с отвесными, покрытыми лишайником стенами в два человеческих роста, они очутились у озера.

Место, куда людям вход заказан. Место, в котором Закат побывал лишь однажды. Перед ними распростерлось уединенное изумрудное озеро.

Закат потащил Вати прочь от реки, в заросли. Может, она не заметит. Они притаились, и он поднес палец к губам, а затем пригасил фонарь. У ночеглотов не слишком хорошее зрение, так что, возможно, приглушенный свет сослужит хорошую службу, и не одну.

Так они и ждали на берегу маленького озера, надеясь, что вода унесет их запах и это собьет с толку ночеглотов. Котловину озера окружали отвесные скалы, и другого выхода, кроме реки, не было. Если ночеглоты пойдут вверх по течению, Закат и Вати окажутся в ловушке.

Послышались визги. Твари добрались до реки. Вокруг было почти совсем темно, и Закат зажмурился. Он молился Патжи, которого любил и ненавидел.

– Что за?.. – тихонько ахнула Вати.

Все-таки увидела. А как же иначе, ведь она искатель, исследователь. Та, кто задает вопросы.

Разве обязательно задавать столько вопросов?

– Закат! Там авиары, в кронах! Сотни авиаров.

В ее негромком голосе проскальзывали нотки страха. Но даже перед лицом смерти она все увидела и не могла смолчать.

– Ты их видел раньше? Что это за место? – Она помедлила. – Так много молодняка. Они едва научились летать...

– Они прилетают сюда, – прошептал он. – Каждая птица с каждого острова. Весь молодняк должен побывать здесь.

Он открыл глаза и взглянул вверх. Фонарь почти не горел, но его хватало, чтобы рассмотреть птиц в ветвях. Некоторые зашевелились из-за света и шума и заволновались еще больше, когда крики ночеглотов раздались совсем близко.

Сак на плече испуганно верещала. Кокерлии в кои-то веки молчал.

– Каждая птица с каждого острова... – повторила Вати, увязывая все воедино. – Они все прилетают сюда, в это место. Ты уверен?

– Да.

Все трапперы это знали. Нельзя ловить птицу, пока она не побывает на Патжи.

Иначе у нее не будет дара.

– Они прилетают сюда, – произнесла Вати. – Мы знали, что они мигрируют между островами... Но почему сюда?

Был ли смысл продолжать скрывать тайну? Она все равно поймет. Тем не менее Закат не отвечал. Пусть сама догадается.

– Здесь они обретают дар? Как? Они учатся? Так ты превратил обычную птицу в авиара? Привез сюда птенца и... – Вати нахмурилась и подняла фонарь выше. – Я узнаю деревья. Те самые, что ты назвал Перстами Патжи.

Здесь росло с дюжину Перстов Патжи – самое крупное скопление на острове. Землю вокруг усеивали плоды, обклеванные птицами всех мастей, – почти все полностью, некоторые только наполовину.

Проследив за его взглядом, Вати нахмурилась.

– Плоды?

– Черви, – прошептал Закат.

В ее глазах загорелось понимание.

– Дело не в птицах. Это паразит. Авиары – носители паразита, который и наделяет их даром! Вот почему выросшие за пределами архипелага птицы лишены способностей, а у той, что ты привез с материка, они появились.

– Да.

– Это все меняет, Закат. Все.

– Да.

Закат. Рожденный на закате или его виновник? Что же он натворил?

От реки доносились вопли приближающихся ночеглотов. Твари решили продолжить охоту выше по течению. Умные, гораздо умнее, чем думали о них обитатели материка. Ахнув, Вати повернулась к небольшому речному каньону.

– Разве это не опасно? – прошептала она. – Деревья цветут. И привлекают ночеглогов! Хотя нет. Авиаров так много! Они могут заглушить цветки, как делают это с разумом человека?

– Нет. В этом месте любой разум невидим – всегда, независимо от авиаров.

– Но... как? Почему? Черви?

Закат не знал, и до сих пор его это не интересовало.

«Я пытаюсь защитить тебя, Отец! – Он посмотрел на Персты Патжи. – Я должен остановить этих людей и их прибор. Я уверен! Но почему? Почему ты охотишься на меня?»

Возможно, потому что ему известно так много. Слишком много. Больше, чем любому другому человеку. Ибо он задавал вопросы.

Люди. И их вопросы.

– Они поднимаются по реке? – спросила Вати.

Ответ казался очевидным. Закат промолчал.

– Нет. – Она встала. – Я не собираюсь уносить это знание с собой в могилу, Закат. Ни за что. Должен быть выход.

– Выход есть, – ответил он, поднявшись и глубоко вздохнув.

«Вот и пришел час расплаты».

Закат бережно пересадил Сак к Вати и снял с плеча Кокерлии.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Я уйду как можно дальше. – Он протянул ей Кокерлии. Птица раздраженно клюнула его в руку, хоть и не до крови. – Тебе придется его удержать. Он попытается увязаться за мной.

– Нет, подожди. Мы можем спрятаться в озере, они...

– Нас найдут! – перебил Закат. – Оно недостаточно глубокое, чтобы укрыть нас.

– Но ты не можешь...

– Они уже почти здесь, женщина! – воскликнул он, всучив ей Кокерлии. – Если я скажу людям из компании выключить устройство, они меня не послушают. Ты умная, ты сможешь их остановить. Сможешь добраться до них. С Кокерлии у тебя получится. Приготовься идти.

Вати ошарашенно смотрела на него, держа Кокерлии обеими руками, но, похоже, понимала, что другого выхода нет. Закат достал книжечку Первого в полдень, а потом и свою с указанием местонахождения авиаров и засунул обе в мешок Вати. Вернулся к реке. Снизу по течению слышалась возня. Нужно успеть выбраться из каньона до того, как подспеют ночеглоты. Если удастся увести их в джунгли хоть немного к югу, Вати ускользнет.

Когда он зашел в воду, видения смерти наконец прекратились. Ни одного трупа ни в воде, ни на берегу. Сак поняла, что происходит.

Она прошептала напоследок.

Он побежал.

Один из Перстов Патжи, растущий прямо у устья каньона, был в цвету.

– Подожди!

Не следовало останавливаться. Нужно бежать – время утекало. Но попавшийся на глаза цветок и крик Вати заставили его промешкать. «Цветок...»

Его осенило, как, наверное, и Вати. Она кинулась к своему мешку, отпустив Кокерлии. Авиар тут же полетел к хозяину, уселся на плечо и возмущенно заклекотал. Закат не слушал. Он сорвал цветок. Тот был величиной с голову, с большой выпуклостью в середине.

В котловине озера цветок невидим, как и все они.

– Цветок может думать, – выпалила Вати, отдуваясь и шаря в мешке. – Цветок может привлечь внимание хищников.

Пока она вытаскивала и готовила оружие, Закат достал веревку, а затем привязал цветок к острию торчащего из трубки копья.

Крики ночеглогов эхом катились по каньону. Закат видел их тени, слышал плеск по воде.

Он попятился от Вати. Та, присев, уперла оружие в землю и потянула рычажок у основания.

Взрыв снова едва не оглушил.

По всей озерной котловине с испуганными криками взвились в воздух авиары. Хлопки крыльев подняли ураган из перьев. Копье с прикрепленным цветком прошило самую его гущу, взмыло по дуге над каньоном и исчезло в темноте.

Закат схватил Вати за плечо и увлек вдоль реки обратно в озеро. Они забрались на мелководье, Кокерлии сидел на плече у Заката, Сак – у Вати. Разожженный фонарь заливал мягким светом внезапно опустевшую котловину.

Озеро было неглубоким – два-три фута. Они присели, но вода все равно не могла скрыть их полностью.

Ночеглоты в каньоне замерли. Свет фонаря выхватил тени пары хищников размером с хижину. Твари смотрели в небо. Они были разумными, но, как и микеры, не умнее людей.

«Патжи, – подумал Закат. – Патжи, пожалуйста...»

Ночеглоты повернули обратно, следуя за ментальными сигналами цветка. Закат увидел, как его труп, покачивающийся в воде неподалеку, становится все прозрачнее.

Затем он исчез полностью.

Закат сосчитал до ста и вылез из озера. Вати в отяжелевшей от воды юбке молча взяла фонарь. Оружие они бросили: зарядов больше не было.

Под удаляющиеся вопли ночеглогов Закат вывел Вати из каньона. Их путь лежал прямо на север, немного под уклон. Он все ждал, что крики снова начнут приближаться.

Этого не случилось.

Форт компании представлял собой невероятно впечатляющее зрелище: сооружение из бревен, ошестинившееся пушками, на самом берегу под охраной огромного железного корабля. Над фортом поднимался дымок от костров – готовили завтрак. Неподалеку гнила на солнце, судя по всему, дохлая тень. Ее громадная туша наполовину торчала из воды.

Закат нигде не видел свой труп, хотя на заключительном участке пути к форту мертвые тела попадались не раз, всегда в местах непосредственной опасности. Видения Сак вернулись к норме.

Он не пошел внутрь, предпочел остаться на знакомом скалистом берегу футах в двадцати от ворот. Раненая рука ныла. Многие выбежали встречать Вати. Разведчики на стенах внимательно следили за Закатом – трапперы не пользовались доверием.

Даже вдалеке от широких бревенчатых ворот форта Закат чувствовал, насколько тот не к месту. В воздухе витали человеческие запахи: пота, масла и другие ароматы, с которыми он познакомился во время последних посещений родных островов. Эти запахи заставляли его ощущать себя чужаком среди собственных соплеменников.

Торговцы носили добротную одежду: брюки вроде тех, что были на нем, но лучшего качества, рубашки и плотные куртки. Куртки? В здешней-то жаре? Вати кланялись, выказывая больше почтения, чем он ожидал. Начиная разговор, они скрещивали предплечья в знак уважения. Глупости. Любой может так сделать, это ничего не значит. Истинное уважение выражается не жестах.

Однако все явно относились к ней не как к обычному клерку. Вати занимала в компании более значительное положение, чем думал Закат. Как бы там ни было, это больше не его проблема.

Она взглянула на него, потом снова на своих людей.

– Скорее к устройству Высших, – сказала она им. – Его необходимо выключить.

Хорошо. Она сделает свое дело. Закат повернулся, чтобы уйти. Нужно ли произнести слова прощания? Никогда прежде он не испытывал такой потребности. Но сегодня... сегодня казалось правильным что-то сказать.

Он зашагал вперед. Слова. Слова никогда не были его сильной стороной.

– Выключить? – спросил кто-то за спиной. – Что вы имеете в виду, госпожа Вати?

– Не нужно изображать невинность, Виндс, – ответила она. – Я знаю, что вы включили его в мое отсутствие.

– Но мы не включали.

Закат замер. Что? Мужчина казался искренним. Однако Закат не слишком хорошо разбирался в людях. На родных островах он убедился в том, что притвориться не сложнее, чем изобразить неискренний жест уважения.

– В таком случае что же вы сделали?

– Мы... его вскрыли.

«О, нет...»

– Это еще зачем? – спросила Вати.

Закат повернулся к ним, но ему не было нужды слышать ответ. Ответ находился прямо перед ним, в видении мертвого острова, которое он неправильно истолковал.

– Мы подумали, вдруг получится разобраться в том, как оно работает. Там внутри... все настолько сложно, что трудно даже вообразить. Но есть с чего начать. Кое в чем мы можем...

– Нет! – крикнул Закат, ринувшись к ним.

Один из караульных пустил стрелу ему под ноги. Закат резко остановился, переведя безумный взгляд с Вати на стены. Неужели они не видят? Это как бугорок на земле, предупреждающий о гнезде смертомуравьев. Как след дичи. Как характерный завиток лиан-резаков. Разве не очевидно?

– Нас уничтожат, – проговорил Закат. – Не лезьте... Как же вы не видите?..

Мгновение они просто глазели на него. У него был шанс. Слова. Нужны слова.

– Устройство – это смертомуравьи! – воскликнул он. – Гнездо... Ар-р-ргх! – Как же объяснить?

Не получалось. Разволновавшись, Закат растерял все слова. Они разлетелись от него, как стая спугнутых в ночи авиаров.

Торговцы двинулись обратно, уводя Вати в безопасность предательского форта.

– Ты сказал, что трупы исчезли, – отметила она, задержавшись в воротах. – У нас получилось. Я прослежу, чтобы устройство не включали, пока мы здесь! Обещаю тебе, Закат!

– Но его и не надо было никогда включать! – крикнул он в ответ.

Огромные бревенчатые ворота форта со скрипом сомкнулись, Вати скрылась из виду. Он выругался. Почему он не смог объяснить?

Потому что не знает, как разговаривать. Впервые в жизни это умение показалось важным.

Взбешенный и расстроенный, Закат зашагал прочь от этого места и его ужасных запахов. На полпути к кромке джунглей остановился и развернулся. Сак слетела вниз, приземлилась на плечо и тихонько заворковала.

Вопросы. Вопросы упрямо норовили пролезть в его мысли.

Закат принялся кричать на караульных, требуя, чтобы позвали Вати. Он даже умолял.

Не помогло. Они не стали говорить с ним. В конце концов он почувствовал себя дураком и повернулся к джунглям. Может, его предположения неверны. Все-таки трупы исчезли. Наверное, все наладится.

Наладится... Как может что-то наладиться, если за спиной торчит этот форт? Закат покачал головой, углубившись в заросли. Повышенная влажность джунглей Патжи поможет успокоиться.

Однако теперь она только раздражала. Его разум витал настолько далеко, что по пути к одному из убежищ он вел себя словно юнец, впервые очутившийся на Сори, – едва не угодил в зияющее в земле гнездо смертомуравьев, не заметив посланное Сак видение. На этот раз ему просто повезло: он наткнулся на что-то носком, опустил глаза и только тогда одновременно увидел труп и желтых крох.

Закат зарычал, потом оскалился.

– Все еще пытаешься убить меня? – прокричал он, подняв голову к зеленому пологу джунглей. – Патжи!

Тишина.

– Ты больше всего стараешься убить тех, кто тебя защищает! Почему?

Слова растворились в воздухе. Их поглотили джунгли.

– Ты заслуживаешь этого, Патжи, – сказал он. – Того, что надвигается. Заслуживаешь, чтобы тебя уничтожили!

Он тяжело дышал, мокрый от пота, и чувствовал удовлетворение от того, что наконец высказал накопившееся. Может, в словах есть польза. Голосок у него в голове, такой же предательский, как Вати с ее компанией, радовался, что Патжи падет под натиском прогресса.

После чего, разумеется, падет и сама компания. К ногам Высших. Весь его народ. Весь его мир.

Пот ручьями стекал по лицу. Закат склонил голову, а затем упал на колени, не обращая внимания на гнездо смертомуравьев всего в трех шагах.

Сак зарылась в его волосы. Наверху, в ветвях неуверенно подал голос Кокерлии.

– Разве вы не видите? Это ловушка, – прошептал он. – Высших сдерживают их законы. Они не имеют права торговать с нами, пока мы не станем более развитыми, как порядочный взрослый человек не может торговать с ребенком, пока тот не повзрослеет. Поэтому они оставили свои приборы. Чтобы подтолкнуть, подстегнуть нас к открытиям. Смерть Высшего – хитрость. Приборы должны были попасть к Вати. Появятся подсказки, оставленные будто невзначай, чтобы мы изучали и учились. И вскоре мы сами построим машины, похожие на их собственные. Мы повзрослеем быстрее, чем положено, но останемся невежественными

детьми. Однако по законам Высших с нами будет можно торговать. И тогда они придут за нашей землей.

Вот что он должен был сказать. Защитить Патжи невозможно. Защитить авиаров невозможно. Защитить весь мир невозможно. Почему он не смог это объяснить?

Может, потому что ничего бы не изменилось. Как сказала Вати, прогресс неизбежен. Если можно назвать прогрессом то, что их ожидает.

Закат добрался до убежища.

Сак спорхнула с его плеча и полетела прочь. Он посмотрел ей вслед и выругался. Птица не приземлилась где-нибудь неподалеку. Полет давался ей с трудом, однако она не останавливалась, пока наконец не скрылась из виду.

– Сак!

Закат поднялся и побрел за авиаром. Следуя за верещанием Сак, он возвращался туда, откуда пришел. Вскоре он выбрался из джунглей.

На камнях перед фортом стояла Вати.

Закат нерешительно остановился на границе джунглей. Вати была одна, даже караульных не видно. Ее изгнали? Нет. Ворота приоткрыты, и несколько человек наблюдало изнутри.

Сак опустилась на плечо Вати. Нахмурившись, Закат вытянул руку в сторону – на нее спорхнул Кокерлии – и спокойно зашагал к Вати, пробираясь меж камней.

Она сменила платье, но не успела привести в порядок волосы. От нее пахло цветами.

А в глазах застыл ужас.

Они вместе преодолели темноту. Справились с ночеглотами. Побывали на волосок от гибели. Но даже тогда она не выглядела настолько испуганной.

– В чем дело? – спросил Закат внезапно охрипшим голосом.

– Мы нашли в приборе инструкцию, – прошептала она. – Руководство по работе, оставленное якобы случайно тем, кто работал с ним раньше. Оно на их языке, но с помощью моего маленького устройства...

– Его можно перевести.

– В руководстве подробно описано, как прибор сконструирован, – продолжила она. – Это настолько сложно, что я едва могу уловить смысл, но, похоже, там объясняются концепции и идеи, а не просто принцип работы.

– Разве ты не счастлива? – спросил Закат. – Вати, скоро у вас будут летающие машины. Раньше, чем можно было представить.

Она молча вытянула руку. На ладони лежало брачное перо. Она сохранила его.

– Прежде чем сделать шаг, задайся вопросом: не слишком ли все легко? – прошептала она. – Ты сказал, что это ловушка, когда я уходила.

Когда мы нашли инструкцию, я... Закат, они собираются сделать с нами то же самое, что... что мы делаем с Патжи?

Закат кивнул.

– Мы потеряем все. Мы не можем с ними бороться. Они найдут оправдание и захватят авиаров. Все очень логично. Авиары используют червей. Мы используем авиаров. Вышие используют нас. Это неизбежно?

«Да».

Закат открыл было рот, чтобы произнести ответ вслух, но защebetала Сак. Он нахмурился и повернулся к острову. Выступающий из океана, высокомерный. Душегуб.

Патжи. Отец.

И наконец, спустя столько времени, Закат понял.

– Нет, – прошептал он.

– Но...

Он расстегнул карман штанов, долго рылся в нем и наконец кое-что выудил – старое перо, от которого остался лишь голый стержень. Это брачное перо подарил ему дядя много лет назад, когда Закат впервые попался в ловушку на Сори. Он поднял перо перед собой, вспоминая слова, которые произнес тогда дядя. Слова, которые говорили каждому трапперу: «Это символ твоего невежества. Ничто не достается легко и просто».

Вати держала свое перо. Старое и новое перья.

– Нет, мы им не по зубам, – сказал Закат. – Мы разглядим все их ловушки, не купимся ни на одну их уловку. Ибо сам Отец готовил нас к этому дню.

Вати посмотрела на его перо, подняла глаза на него.

– Ты правда так думаешь? – спросила она. – Они очень хитрые.

– Может, они и хитрые, – ответил он. – Но они никогда не жили на Патжи. Мы соберем всех трапперов. Им нас не одолеть.

Она нерешительно кивнула, и страха в ее глазах стало будто чуть меньше. Вати повернулась и сделала жест своим людям открыть ворота. Как и в прошлый раз, Заката окатила волна человеческих запахов.

Вати обернулась к нему и протянула руку:

– Так ты поможешь?

У ее ног появился труп, и Сак предостерегающе защebetала. Опасность. Да, предстоящее сулило множество опасностей.

Закат взял Вати за руку и вошел в форт.

Рабочий процесс: когда кульминация истории не совпадает с концовкой

Введение

Я в восторге, как все получилось с моей повестью для антологии. Писать было очень легко, затея с самого начала пришлась мне по душе. Я очарован культурой Полинезии (может быть, вы заметили намеки на это в моих других работах), и идея разработать фэнтезийную культуру на ее основе оказалась захватывающей. Как только я начал писать, множество вещей, например, характер Заката, его отношение к острову, разногласия с собственным народом, сложились сами собой.

Как я уже говорил во время мозгового штурма на записи эпизода «Писательских отмазок», когда я берусь за новую историю, мне нравится знать ее концовку заранее. Под концовкой я обычно подразумеваю кульминацию – момент, когда все встает на свои места, различные нити повествования переплетаются вместе, герои и сюжет сходятся воедино. Моя цель – создать именно такой момент. Кроме того, это одна из вещей, которые необходимы мне, чтобы «продраться» через саму историю.

Общая идея истории была очень проста. Я знал, что это будет поход через остров, чтобы читатель столкнулся с опасностями Патжи. Я также знал, что Закат будет общаться с другим человеком, чужаком, чтобы лучше раскрыть, во-первых, его характер и, во-вторых, сам мир. По мере работы над историей основной темой стал конфликт между старым и новым, показанный с помощью двух героев. Отсюда естественным образом вылилось неприятие Закатом перемен наряду с тайным знанием о том, как птицы обретают дар.

Таким образом, кульминация истории – это момент, когда Вати и читатель одновременно узнают, в чем заключается секрет авиаров. Я быстро понял, что линию с раскрытием информации можно вести параллельно с напряженной погоней через джунгли и совместить апогей внешнего конфликта с пиком мыслительного процесса.

Идеально, скажете вы. Как бы не так.

Второстепенная загвоздка

Во время написания повести возникли две загвоздки. Первая заключалась в вопросе «Почему?». Почему герои бегут через джунгли? Что будет движущей силой сюжета, что будет заставлять их стремиться вперед? Мой первоначальный замысел, состоявший в том, что Закату нужно доставить Вати к ее людям в целостности и сохранности, не вызывал энтузиазма. Мне хотелось более убедительной мотивации. Нужно было поднять ставки.

Решением стала птица, которая посылает Закату видения его трупа. Я ввел в повествование Сак, так как посчитал, что ее способности будут удачным и запоминающимся проявлением магии, причем проявлением видимым, а не просто чем-то, что происходит только в голове у героев: я опасался, что ментальные способности будут восприниматься именно так. Сак не было среди идей первоначального мозгового штурма, но она отлично вписалась в повесть.

Когда я дописывал первую треть истории и понял, что нужно поднять ставки, Сак предоставила мне отличную возможность воплотить задуманное в жизнь. Она может показать Закату его труп. А труп острова? Могу ли я придумать настолько опасное событие, что оно погонит Заката через остров ночью вместе с недоучкой-островитяжкой? Могу я подвергнуть риску весь остров целиком?

Решение этой загвоздки позволило истории набрать вес, обрасти деталями. В центр сюжета попали Высшие, которых изначально я собирался лишь упомянуть, чтобы связать историю с Космером. С помощью их приборов, которые оказались у Вати, удалось дать толчок значительному событию, побудившему героев к действию. Задумка мне понравилась, так как привела к новому витку конфликта между новым и старым и дальнейшему развитию основных сюжетных линий. (В действительности, к раскрытию характера Заката.)

Я продолжал писать без особых затруднений вплоть до кульминации. Она получилась превосходно. А затем... выяснилось, что у истории нет концовки. Есть отличная кульминация, но нет концовки. Не хватало чего-то очень важного.

Основная загвоздка

Кульминация истории не была ее концовкой. Для меня это редкость, и подобное трудно заметить в первоначальном наброске повести. С точки зрения структуры история построена в несколько сюжетных слоев. Каждая идея из перечисленных ниже – сюжетная линия, которую необходимо раскрыть.

{Взаимоотношения: Закат и остров

{Взаимоотношения: Закат и Вати

{Цель: пересечь остров}

Взаимоотношения: Закат и Вати}

Взаимоотношения: Закат и остров}

Сначала я рассказал о Закате и его отношении к острову, затем – о Вати и конфликте между современностью и традициями и наконец о цели пересечь остров. Это были три главных сюжетных линии или темы

истории, но кульминация охватывала только две из них. У меня получилось завершить тему с походом через остров и создать кульминацию в теме конфликта между старым и новым (раскрыв секрет острова), однако в конце концов я не смог подвести итог теме взаимоотношений Заката и острова. Кроме того, мне казалось, что конфликт между современностью и традициями исследован далеко не в полной мере. Сюжетная линия похода через остров разрешилась мгновенно, но тем сильнее чувствовалась слабость двух других линий.

Я кое-что придумал, чтобы связать и завершить историю, но попытка преодолеть возникшую загвоздку оказалась откровенно неубедительной. (Что у меня получилось, можно прочитать в первом черновике повести¹.) Проблема мучила меня несколько месяцев. Как же правильно закончить историю? Что придаст главному герою ощущение эмоциональной завершенности?

Я пробежался по повести вместе с членами моей писательской группы², а затем обсудил ее с командой «Писательских отмазок». Получился целый семинар, но мне так и не пришло в голову, как закончить историю. Проблема была в том, что обычно кульминация и концовка в моих историях совпадают. Но не в этом случае.

Правильные вопросы

Чтобы произошел хоть какой-то сдвиг, мне пришлось задать себе несколько вопросов. Какие обещания я даю читателю в тексте? Какие эмоции я испытываю в конце, откуда ощущение неудовлетворенности? Также, в свою очередь, что в повести пришлось по душе альфа- и бета-ридерам? В чем ее сила, какие «фишки» сработали? Нужно было не испортить то хорошее, что уже есть. Кроме того, понравившиеся другим моменты могли подсказать мне, в каком направлении двигаться при написании следующего черновика.

¹ Первоначальная концовка повести. Прибор Высших запустили без Вати, она заставляет своих людей его выключить. Сак перестает посылать Закату беспрестанные видения мертвых тел. Вати приглашает траппера в форт, предлагает сотрудничество. Тело умершего эмиссара Высшие забрали обратно. Закат считает, что на самом деле тот не умер, и все подстроено специально, чтобы представители компании прибыли на остров и запустили устройство. Он полагает, что вся цепочка событий – ловушка и таким образом Высшие пытаются найти оправдание, чтобы нарушить свои правила и забрать авиаров – якобы чтобы защитить птиц от компании. У Заката не получается убедить Вати, и он возвращается в убежище, а затем отплывает на каноэ в море, где проводит ночь. Утром он снова отправляется к форту и в разговоре с Вати соглашается помогать компании, но с условием: когда Высшие неизбежно добьются своего и придется отослать им авиаров, Закат будет сопровождать птиц. Вати соглашается, и они рука об руку заходят в форт.

² Группа помощников Сандерсона (состав может меняться), с которыми он регулярно собирается и обсуждает свои книги, находящиеся в процессе написания/редактирования. По словам автора, писательская группа очень помогает в работе.

Эти вопросы действительно помогли разобраться с неувязками в повести. Мне стало казаться, что слабость концовки в том, что я сам не до конца понимаю, каковы взаимоотношения Заката и острова. Что чувствовал Закат? (Комментарии членов моей писательской группы помогли задуматься о подобных вещах.) Прежде чем я мог развить убедительную концовку, требовалось разработать более сложные взаимоотношения между Закатом и Патжи.

Второй проблемой, как мне казалось, было то, что я схитрил в концовке. Я осознал, что как читателю мне хотелось побольше узнать о приборе и Высших. Акцент на этом аспекте и стал главной слабостью концовки. Я хотел либо увидеть сам прибор, либо прочитать развязку, в которой он фигурирует, а не просто что-то наподобие: «Ну да, сработало. Теперь все в порядке».

Я перебирал в уме, как можно эмоционально связать Заката и остров, до тех пор пока меня не осенила одна идея, благодаря которой все начало вставать на свои места. Закат злится на Патжи, а затем обнаруживает, что для всех этих опасностей есть причина. (По крайней мере, по мнению Заката.) Я смог лучше увязать всю историю с Высшими, а также изобразить остров и его ловушки в виде общей метафоры для будущего в целом.

Одна из идей, которая понравилась членам моей писательской группы, состояла в том, что Высшие пытаются обойти собственные правила, напоминая первую директиву из «Звездного пути» и не позволяющие им воспользоваться преимуществом над менее развитой цивилизацией. Я понял, что отнесся к этому моменту, изначально бывшему маленьким забавным разоблачением, чересчур вольно и стоит сделать его кульминационным. Перед вами необычный пример того, как второстепенная идея, которую я добавил в историю (Высшие), и крошечная побочная сюжетная линия (они пытаются найти способ выторговать птиц) стали зацепкой, которую я развил до кульминации всей истории.

Наконец, после почти года попыток, я закончил повесть.

Заключение

В написании книг меня часто очаровывает, как профессиональное мастерство и чутье идут рука об руку. Мастерство – это знание основ того, как создать привлекательного персонажа. Оно подобно осознанному выбору кисти, когда нужно изобразить специфическую особенность пейзажа. Однако мастерство подчиняется чутью, которое объяснить вовсе не так легко. Инструменты, которыми вы пользуетесь, определяются мастерством, а чутье – это чувство «правильности», ощущение того, что «это – то, что надо». Мастерство – это как знать,

какая гайка подходит к какому болту, а чутье – это как трепет при виде великолепного автомобиля.

Я уже говорил раньше, что, когда пишу, следую интуиции. Однако во время разработки сюжета и редактуры на первый план выходит мастерство. Работа над «Шестым на закате» это подтверждает. Чутье подсказывало: с историей что-то не так, поэтому я позволил мастерству предложить инструменты для решения проблем. Я перепробовал эти инструменты один за другим, пока не наткнулся на идею, которая сработала.

Возможно, мой подход не для вас, но, скорее всего, союз мастерства и чутья окажется полезным. Работая со студентами, я пришел к выводу, что, если во время работы чрезмерно полагаться на какие-то приемы, схемы и прообразы, история легко может превратиться в «картонную». Однако без понимания процесса и инструментов, которыми вы пользуетесь, можно оказаться в очень трудном положении: что-то не получается, а вы не в состоянии объяснить почему. Судя по всему, писательский блок в целом берет начало именно в этой проблеме.

Я могу также представить, что такая специфическая загвоздка, как несовпадение кульминации и концовки, вполне может свалиться на голову и вам. Если вы столкнулись с ней, попробуйте спросить себя, какие обещания вы дали читателю в первой половине истории, и проверьте, отвечает ли им ваша кульминация, даже если она драматическая. Может быть, вы решите изменить обещания, а не концовку. В этой истории я сделал и то, и другое: сначала добавил разочарование Заката в Патжи как подсказку к последующей развязке, а затем поместил разоблачение планов Высших так, чтобы оно наложило на процесс понимания Законом истинного положения вещей.

Мне понадобилось больше восемнадцати месяцев, чтобы закончить эту повесть, но я в высшей степени удовлетворен тем, что, буквально застряв в ней, смог выкрутиться. Не только потому, что у меня получилась шикарная история, которой я могу поделиться с читателями, но и потому, что освоил очередной интересный аспект, относящийся к творческому процессу и писательскому опыту в целом.